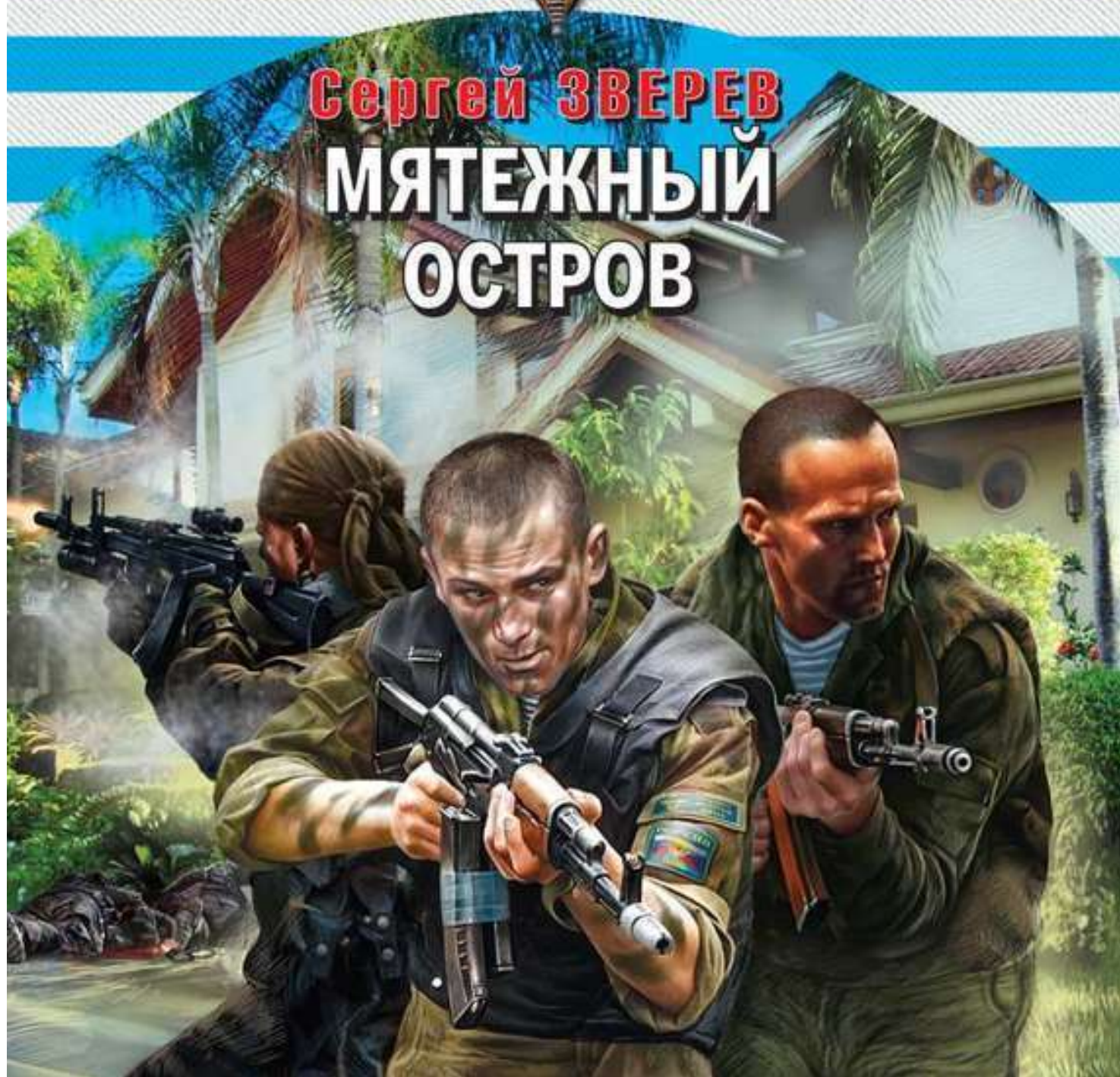

**СПЕЦНАЗ
ВДВ**

Сергей ЗВЕРЕВ
МЯТЕЖНЫЙ
ОСТРОВ

Спецназ ВДВ

Сергей Зверев
Мятежный остров

«ЭКСМО»

2014

Зверев С. И.

Мятежный остров / С. И. Зверев — «Эксмо», 2014 — (Спецназ ВДВ)

На Филиппинах агентами ЦРУ арестован гражданин Швеции Виталий Рождественский. Его обвиняют в шпионаже в пользу России: согласно имеющейся информации, Рождественский регулярно передавал в Москву секретные сведения о тихоокеанском флоте США. На помощь резиденту российской разведки срочно вылетает отряд спецназа ВДВ под руководством майора Лаврова – легендарного Батяни. Бойцам приказано во что бы то ни стало освободить Виталия и доставить его в Москву. И сделать это нужно как можно быстрее – ведь если американцам удастся выбить из Рождественского признательные показания, разразится международный скандал...

Содержание

1	5
2	9
3	15
4	19
5	27
6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Сергей Зверев

Мятежный остров

1

Майор ВДВ Андрей Лавров, которого за глаза сослуживцы уважительно называли Батяней-комбатом, проснулся на рассвете. Ныло измученное долгим переходом тело, чесались следы от укусов тропических насекомых. Комбат не сразу вспомнил, где и почему он находится. Он лежал на настиле, устроенном им вчера в ветвях дерева.

Солнечный свет еще не пробился сквозь заросли, но уже золотил верхушки деревьев. Еще хотелось спать, глаза слипались, однако сработал внутренний биологический будильник. Нельзя подолгу оставаться на одном месте, иначе тебя обнаружат, нужно идти вперед. Задание выполнено, хотя двое боевых друзей и отдали ради этого жизни. На войне всегда так. Тебе кажется, что ты уцелел из-за своего невероятного везения. Но каждый погибший тоже считал себя везучим... до поры до времени, пока не пришлось расстаться с жизнью. И теперь Батяня жил за себя и за своих погибших друзей. Он не мог подвести их, он обязан был уйти от погони, вернуться на Родину. Иначе зачем они погибли, ради чего?

Какое именно задание выполнял, на этом он старался не заикливаться. Не всегда до конца знаешь, в чем именно тебе пришлось участвовать. Ты лишь винтик в большой геополитической игре. Теперь требовалось сосредоточиться на отходе. А это самое сложное, поскольку противник не знает о твоём появлении, но про отход осведомлен наверняка и полон решимости выместить на тебе свою злость за сорванные планы, за успехом которых стояли должности, звания и награды.

Майор соскользнул с настила на землю, забросил автомат за спину, умылся, вылив воду из скрученного в рожок пальмового листа. В глазах посветлело. Держа второй отломанный лист, как рог для питья, Лавров вылил чистейшую дождевую воду в широко раскрытый рот. Жадно сглотнул. Прохлада свежесть бодрила. Теперь уже отступила появившаяся после ночлега под открытым небом ломота в костях. Батяня вернул себе силы и веру в собственное будущее.

Он медленно пробирался сквозь тропический лес. Именно пробирался, а не шел. Растительность здесь развивается стремительно. Местами приходилось прорубать себе путь почерневшим от времени мачете. Лавров продвигался в сторону моря, ориентируясь по солнцу. По его расчетам, к вечеру должен был добраться до береговой линии, а там его заберут свои. Главное успеть.

Чавкала под ногами раскисшая от влаги земля, шуршала и при каждом шаге резко начинала вонять палая листва. Джунгли наполнялись тревожными звуками. Вот пронеслась над головой, прыгая с ветки на ветку, стая обезьян. В стороне захлопали крыльями и взмыли над деревьями птицы.

«Это я их спугнул? Или кто-то другой?» – промелькнула мысль.

Не хотелось думать о том, что преследователи приблизились за ночь, идут по пятам, используя проделанные его собственным мачете ходы. Результат в таком случае был предreshен. Его догонят прежде, чем удастся выйти к морю.

Майор засунул мачете в самодельные ножны. Теперь он старался идти, не оставляя следов. На землю почти не ступал, перебираясь через поваленные деревья, прыгал с одного лежавшего ствола на другой. Вскоре вдалеке послышался собачий лай. И это было плохо. Превосходно тренированный Лавров мог обмануть в джунглях людей, но не зверя. Зверь не думает, не строит догадок, он подчиняется инстинктам.

«Быстрее, быстрее», – подгонял себя комбат.

Как ему говорили, впереди путь преграждала река. Можно было попытаться уйти по ней, сбить со следа собак. Проточная вода снесет запах. Любая река рано или поздно впадает в море. Собачий лай приближался. Батяня вновь взялся за мачете. Теперь уже он не таился. Летели брызги от рассекаемых сочных лиан. Сок почему-то, как казалось Лаврову, смердел мертвечиной. В джунглях всегда пахнет мертвечиной. Тут все живое постоянно отмирает, гниет, распадается, превращаясь в слизь и грязь.

Впереди забрезжил просвет, послышалось журчание воды. Деревья расступались. Майор выскочил на высокий берег неширокой реки, которая проложила себе глубокое русло между двух холмов. Внизу высокого, метров двадцать, обрыва бурлила вода. Потоки накатывались друг на друга, пенились, шумели. Спуститься вниз не представлялось никакой возможности. Лай собак приближался. Справа, метрах в двухстах над глубоким руслом покачивался канатный мостик.

Лавров побежал к спасительной переправе. Он мчался почти по самому краю обрыва, чтобы не мешали деревья и кустарник. Влажная земля чавкала и тряслась под ним. С крутого обрыва то и дело срывались, откалывались пласты земли, падали в бурную воду. Андрей резко обернулся. Собаки – три огромных черных ротвейлера уже выскочили из зарослей и настигали его. На ходу Лавров дал по псам короткую очередь. Он не рассчитывал попасть в них на ходу, просто хотел испугать, задержать хоть на немного. Псы шарахнулись в заросли. Батяня выбежал на мостик. Тут же пришлось схватиться за растрепанные джутовые канаты, служившие одновременно вантами и перилами. Настил под ногами ходил ходуном, словно живое существо, пытающееся сбросить с себя того, кто осмелился ступить на его спину. Далеко под ногами шумела, бурлила вода. Упадешь, снесет, размажет по камням.

Шаг, еще один, еще...

Лавров даже не увидел, а почувствовал, как мускулистый ротвейлер ворвался на мост. Андрей обернулся. Пес стоял на настиле, широко расставив лапы, балансировал, не решаясь двинуться дальше. Но все же решился и бросился вперед. Лавров на несколько секунд отпустил перила и выстрелил. Пес дернулся, завертелся волчком и сорвался в бурный грязный поток. Еще только раз показалась его голова и исчезла во вспененной реке.

Два других ротвейлера застыли в нерешительности перед настилом. Будто решали, кому идти первым. Лавров не стал терять время, он, как мог быстро, добрался до другого берега. Злобные псы уже ступили на раскачивающийся мост, грозно рывкали, скаля зубы, брызгали слюной. Андрей схватил мачете и стал перерубать канаты, на которых висел ненадежный мост. Летели клочья растрепанной джутовой веревки и щепки от стволов деревьев, на которые та была намотана.

Удар, еще удар... Псы, балансируя, подбирались все ближе. Наконец одна из веревок оказалась перерублена. Настил тут же вывернулся. Ротвейлеров выбросило со скрученного помоста. Псы с жалобным визгом полетели в реку. Еще несколько ударов. Из зарослей на другом берегу выбежали низкорослые люди в военной форме, на ходу открыли по Батяне беспорядочный огонь. Но они опоздали. Еще один удар, и подвесной мост оторвался. Длинный, извивающийся, подобно дракону, он полетел в воду. Течение подхватило его, понесло, прибило к противоположному берегу. Теперь, чтобы преодолеть поток, восстановить мост, преследователям понадобится как минимум полдня – перебросить веревки, зацепить настил, закрепить его. Этого времени с избытком хватит, чтобы оторваться от погони. К тому же псов уже нет, их унесла река.

На душе повеселело. Появился реальный шанс спастись. Батяня бросился в заросли. Однако реальность всегда преподносит сюрпризы, и необязательно приятные. Впереди полыхнули вспышки выстрелов. Сразу же стало понятно, что там самое малое шесть стволов. Но не факт, что все, кто имел оружие, стреляли. Короткие очереди звучали и с противоположного

берега. Батяня длинно и забористо выругался, прижимаясь к земле. Только теперь он понял, что весь его отрыв от погони был не чем иным, как специально подстроенным путем в «мышеловку». Он недооценил противника. Его гнали вперед к этому подвесному мосту, а впереди уже была готова засада. Лавров машинально ощупал подсумок. В нем имелось еще два снаряженных рожка. Один, наполовину расстрелянный, был присоединен к автомату. Три гранаты лежали в карманах камуфляжа. Вот и все. Негусто, если считать, что против тебя не меньше десятка вооруженных людей. То, что они хлипкие и низкорослые азиаты, роли не играет. Сейчас не рукопашный бой, а перестрелка. У кого больше патронов и гранат, тому и улыбается судьба.

Оставалось лишь подороже продать свою жизнь, а если повезет, правда, на это имелся лишь один шанс из тысячи, прорваться, уйти в джунгли.

Противник не спешил. И тактика была верной. Чем дольше идет бой, тем больше расходуется патронов. Лавров стрелял одиночными, посылая пули на вспышки выстрелов. Судя по всему, ему удалось убить или хотя бы вывести из строя троих. Получалось, что теперь ему противостоят пятеро, если не считать тех, кто находился на противоположном берегу. Хотя им его было не достать.

Сухо щелкнул спусковой крючок. Патроны в магазине закончились. Андрей вытащил гранату, отогнул усики и выдернул зубами кольцо, освободив предохранительную скобу. Бросать не спешил, выжидал, пока противник поверит, будто бы у него закончились патроны. Вскоре стрельба с обеих сторон стихла. В зарослях обозначилось движение. Когда в прогалине возникли две пригнувшиеся фигуры, комбат метнул гранату и вжался в землю.

Громыкнуло. В стороны полетели клочья земли и разорванных взрывом тел. Прогалину заволочло дымом. Андрей перезарядил автомат и припал глазом к прицелу. Сквозь дым полыхнули вспышки. Батяня выстрелил в ответ.

– Черт, промазал. Поспешил, – пробурчал он, после того как вспышки повторились.

Он чуть не пропустил момент, когда в воздухе мелькнула брошенная в его сторону навесом граната. Еле успел прижаться к земле и закрыть голову руками. Вырванный клоч влажного дерна упал прямо перед лицом.

Страх постепенно ушел, как это иногда случается во время боя. Лавров уже не думал сильно наперед, хватало решения локальных, краткосрочных задач. Стрелок переместился поближе, значит, следует его или убрать, или отогнать. Противник пристрелялся к твоей позиции – следует ее сменить. А вот что получится в результате, не так уж и существенно. Жизнь одна. Потеряешь ее? Такова судьба. Повезет – уцелеешь.

И тут в небе со стороны моря слышался звук вертолетных винтов. Судя по гулу, машина шла низко, над самыми деревьями.

– Этого еще не хватало. – Батяня грешным делом подумал, что к его преследователям подоспело подкрепление.

Подозрение только усилилось, когда из-за деревьев с ревом выскочил старый американский вертолет, печально известный герой вьетнамской войны – Bell UH-1 «Ирокез». Машина была без опознавательных знаков, выкрашенная почему-то в густой лиловый цвет. За широко сдвинутой дверкой мелькнул ствол крупнокалиберного пулемета. Грохотнула очередь. Все до единого выстрелы угодили в противоположный берег. В ответ слышалась беспорядочная стрельба. Пули чиркали по бронированному днищу машины, не причиняя ей никакого вреда.

Происходило что-то не то. Военный вертолет выкрашен в дурацкий лиловый цвет. Кем? И почему, зачем? Стреляет по «своим»? Или же прилетели за Лавровым забрать его? Но кто прислал, почему, откуда узнали, что он именно здесь? Вертолет ушел на разворот, а когда появился вновь, Андрей явственно рассмотрел пулеметчика. Вернее будет сказать, пулеметчицу.

На гашетку давила привлекательная, можно уверенно сказать, чертовски красивая молодая женщина, или все-таки девушка... Ее длинные волосы нещадно трепал ветер, идущий от вертолетных винтов. Она высматривала кого-то внизу. Ушла еще одна очередь, теперь уже в этот берег. Пули прошли землю, поднимая фонтаны из грунта и пучков травы. Оставаться в зарослях значило сидеть и ждать попадания в тебя очереди. И Лавров рискнул. Когда вертолет появился вновь, он выскочил на берег, замахал руками.

Пилот завис, остановил машину, и вертолет стал медленно покачиваться над руслом реки. Батяня не слышал слов, которые ему кричала женщина за пулеметом, но он прочитал их по губам.

– Быстрее, уходим! – и кричала она это по-русски.

Из проема упала веревочная лестница. Старый «Ирокез» стал сдавать хвостом вперед. Нижняя перекладина промелькнула перед лицом Лаврова. Уцепиться за нее Батяня сумел только со второй попытки. Внизу виднелись вспышки выстрелов. Сверху грохотал пулемет. Лестницу сильно раскачивало. Вертолет начал набирать высоту. Андрей мертвой хваткой вцепился в нижнюю перекладину веревочной лестницы. Пулемет смолк. Майор Лавров поднял голову. Из проема выглядывала молодая пулеметчица с растрепанными волосами.

– Получилось! – крикнула она.

И тут, словно кипятком, обожгло руки Батяни. Из его простреленных автоматной очередью кистей брызнула и потекла широкой алой лентой кровь. Ветер винтов рвал ее, разбрасывал в воздухе крупными кляксами. Непослушные пальцы сами собой расходились, соскальзывали с перекладины, хоть Батяня что было силы сжимал их.

Фаланги соскользнули с перекладины. С отчаянным криком Лавров полетел с головокружительной высоты в пенящуюся на камнях темно-красную от смытого грунта воду.

– Аа-а!..

Внезапно перехватило дыхание, крик прекратился. Отдалились и через мгновение исчезли шум винтов, звуки стрельбы.

– Дядя Андрей! Дядя Андрей! – Кто-то тряс его за плечо.

2

Когда обыватель слышит слова «резидент», «разведчик», «шпион», то обычно в его воображении сразу же возникает образ такого супергероя, типа кинематографического Джеймса Бонда. И этот воображаемый им герой неотразимо красив, хорошо сложен, может с двух рук точно стрелять из огромных револьверов, уходить от любой погони по воздуху, суше и по воде, перепрыгивать с крыши на крышу через улицу, соблазнять неприступных красоток пачками, высаживаться с вертолета на мчащийся по трассе автомобиль, пикировать в аэрокостюме вдоль ущелья между скалами, приземляясь точно в цель. И еще много чего он умеет делать...

Но такой образ супермена – фантазия сценаристов и режиссеров. В жизни все по-другому, особенно что касается разведчиков-нелегалов. Атлетически сложенный мачо неизменно привлекает к себе всеобщее внимание, а резидент-нелегал должен оставаться в тени, быть серым и неприметным, растворимым даже не в толпе, а на полупустой улице. Глядя на него, никто и подумать не должен, что он хитрый и рискованный разведчик.

Резиденты вживаются в безобидные образы коммивояжеров, владельцев небольших пекарен, представителей заграничных фирм и торговых домов, а то и просто богатых чудаков. Главное, чтобы официальный род занятий позволял, не вызывая подозрений, ездить по стране и за границу, встречаться со множеством людей, налаживать новые контакты.

Именно таким и был российский резидент-нелегал Службы внешней разведки в столице Филиппин Виталий Рождественский. Внешне неброский, ростом ниже среднего, полноватый, начинающий лысеть сорокалетний добряк-очкарик, который и мухи не обидит. Его легендирование в островном государстве ни у кого не вызывало подозрений – подданный шведской короны Карл Свенссон, открывший в Маниле небольшую фирму ландшафтного дизайна. Профессия позволяла перемещаться, проводить встречи, получать и отправлять многочисленные грузы.

Так уж устроена человеческая психика, что люди меньше всего склонны подозревать в шпионаже людей творческих профессий...

Да, Виталию Рождественскому пришлось забыть свои настоящие имя и фамилию, даже в мыслях теперь он неизменно называл себя Карлом Свенссоном и последние годы думал исключительно на шведском и английском языках. Он делал неплохие модные проекты по оформлению участков небедных филиппинцев и немало зарабатывал как дизайнер. Шведская школа ландшафтного искусства одна из ведущих в мире. Заказов брал немного, мотивируя это тем, что делает не халтуру ради денег, а творит высокое искусство. В свободное же от творческого бизнеса время Карл Свенссон занимался тем, что по крупницам собирал информацию о Тихоокеанском флоте США, активизировавшемся в последнее время на Филиппинах.

Конституция островного государства запрещает располагать иностранные военные базы на своей территории. Но каждый запрет можно обойти. Все дело в формулировках. Нельзя «расположить базы», однако можно ввести режим «расширенного допуска» американских боевых кораблей и самолетов на филиппинские базы.

Ситуация в регионе, где действовал Рождественский-Свенссон, была чревата серьезными конфликтами в ближайшем будущем. Дело в том, что архипелаг Спратли, состоящий из более чем ста мелких островов и атоллов, раскинувшийся на четырехстах тысячах квадратных километрах акватории Южно-Китайского моря, является спорным. На него претендуют сразу пять государств: Филиппины, Китай, Вьетнам, Тайвань, Малайзия и Бруней. На сорока пяти островах расположены небольшие военные гарнизоны этих стран. Стоит произойти малейшему военному столкновению, как может вспыхнуть масштабная война.

Из всей пятерки Китай находится явно в другой весовой категории, к тому же Пекин в последние годы стремительно наращивает свое военное присутствие в Южно-Китайском море.

Вот и решили филиппинские власти заручиться поддержкой другого тяжеловеса – США. Россия же, как морская держава, естественно, не могла оставаться в стороне от происходящего. Если не участвовать, поддерживая одну из сторон, то хотя бы держать руку на пульсе, знать планы и перспективы, чем успешно и занимался российский резидент-нелегал.

Информаторов у него было немного. Ведь дело не в количестве, а в качестве информации и в ее достоверности. Каждая встреча с информатором – это огромный риск. Он мог «засветиться», его могут «вести». И если попадешься в момент встречи, то это конец, тебя возьмут с поличным. И тогда уже объяснять, почему это вдруг шведского ландшафтного дизайнера заинтересовали секреты ВМС США, придется долго и нудно.

Самым надежным информатором Свенссона являлся Хосе Рисаль. Информацию он поставлял разрозненную, фрагментарную, но группа аналитиков из СВР умело с ней работала, делая абсолютно правильные прогнозы и выводы. Дело в том, что Хосе работал уборщиком в офисе проектно-строительной фирмы, выигравшей правительственный тендер на реконструкцию заброшенной с 1950-х годов военно-морской базы США на острове Палаван – самом близком к спорному архипелагу Спратли и крупном участке суши. В конце рабочего дня много интересных бумаг оказывается в корзинах: факсы, черновики, наброски документов, внутренняя переписка. Вот Хосе их и подбирал и за небольшую плату передавал Карлу Свенссону. Делал он это не столько ради приработка, сколько из идейных соображений, поскольку ненавидел американцев. На первый взгляд безобидные данные об углублении гавани, параметрах практически возводимого с нуля пирса, заливаемых фундаментах, прокладке труб под кабели и многие другие технические параметры давали аналитикам российской СВР бесценные данные о типах кораблей, системах обороны, коммуникаций и связи.

Естественно, что проектно-строительная фирма, выигравшая тендер, не могла работать без присмотра с американской стороны. Этот присмотр был оформлен довольно изящно. Из США командировали «специалиста-историка» Генри Грина, в чьи обязанности якобы входило следить за тем, чтобы на стадии проектирования и при строительстве не пострадали исторически значимые здания старой военно-морской базы США времен Второй мировой войны. На самом деле Генри Грин работал на Разведывательное управление Министерства ВМС США, следил за тем, чтобы секретная информация не стала достоянием третьих лиц, и носил звание капитана-командера, что соответствует российскому флотскому званию капитан-лейтенант. Причем Грин особого секрета из этого не делал. Американские спецслужбы работали на этом проекте рука об руку с филиппинскими. И стоило бы Генри о чем-то попросить своих азиатских коллег, отказа он бы не получил...

В этот день Хосе Рисаль, как всегда, после окончания рабочего дня приступил к уборке помещений офиса. Пятидесятилетний уборщик не спеша, напевая себе под нос популярную мелодию, высыпал содержимое корзины для мусора в пластиковый контейнер на колесиках. При этом делал вид, что выброшенные бумаги его абсолютно не интересуют. Он не косился на развешенные в офисе видеокамеры. Окончив с корзинами, взялся за швабру. Тер пол неторопливо, продолжая напевать.

Хосе почти наверняка знал, что за ним через монитор сейчас наблюдает один из охранников офиса, если, конечно, тот не ленится исправно нести службу. Но откуда ему было знать, что сейчас перед монитором сидит не рядовой охранник, а сам мистер Грин? С чего бы это вдруг такое внимание к обычному уборщику?

Но у спецслужбиста Генри Грина имелись свои резоны. Он справедливо полагал, что проект реконструкции старой военной базы ВМС США привлек внимание как минимум китайской и вьетнамской разведок, а потому тупо проверял всех сотрудников офиса по одному. Недели тому назад он зацепился за Хосе, когда просматривал уточненное филиппинскими спецслужбами досье на уборщика. Хосе Рисаль не был так беден, чтобы идти на непрестижную

и мало оплачиваемую службу. Накопления, сделанные в прежние годы, вполне позволяли бы ему жить безбедно и тем временем подыскивать лучшую работу. И это настораживало.

Если с бытовой точки зрения поведение человека не поддается объяснению, следует искать скрытые мотивации. С ними тоже было не все гладко. В молодости Рисаль увлекался марксизмом и маоизмом, а потому вполне мог быть в свое время завербован китайскими, вьетнамскими или советскими спецслужбами. Сколько-то лет Хосе, вероятно, пребывал в состоянии «замороженного» агента, а потом его «расконсервировали», стоило появиться проекту по реконструкции базы ВМС в Устричном заливе на острове Палаван.

Мистер Грин сидел перед монитором и внимательно наблюдал за тем, как Хосе выполняет свою работу.

– Неужели я снова ошибся? – бормотал он. – Работает спокойно. Лишнего любопытства не выказывает. Вот даже не заглянул в папку, забытую на письменном столе. Нет, не сделать мне здесь стремительной карьеры, – кисло ухмыльнулся «специалист-историк».

Тем временем Рисаль Хосе окончил уборку, стянул с рук синие латексные перчатки, сбросил халат и, продолжая напевать старый мотивчик, покати мусорный бак по коридору. Изображение на экране стало безобразным, явно не хватало освещения. На запись работали только видеокамеры, установленные в кабинетах. Те, что стояли в коридорах, мало того что давали плохое изображение, так еще и показывали изображение только в режиме реального времени.

– Ничего интересного, – вздохнул мистер Грин и глянул на скучающего охранника рядом с собой.

Охранник делал вид, будто следит за тем, что происходит на мониторе, но отсутствующий взгляд выдавал его с головой. Мыслями он находился далеко отсюда – в баре за бокалом янтарного виски с притопленным кубиком льда, о чем начинал мечтать тем сильнее, чем ближе подходило к концу его дежурство. Теперь уже и мониторы ничего не показывали, кроме пустых темных помещений офиса. Никакого движения. За чем здесь следить? Разве что охотника на привидений могло устроить такое зрелище.

Генри Грин поднялся, чтобы идти домой. Он и так убил много личного времени. Убил без всякой пользы для себя. Длительная командировка на Филиппины являлась для него чем-то вроде ссылки. Правда, эта ссылка давала шанс карьерного роста. Если бы ему удалось выявить иностранного агента, а еще лучше перевербовать его! Вот это был бы скачок по служебной лестнице.

– Спокойного дежурства, – пожелал «специалист-историк» охраннику.

– Спокойного вечера, мистер Грин.

Генри вышел в пустой коридор, по которому всего минуту назад прошагал Хосе Рисаль. Грина раздражали звучные испанские имена местных жителей. Как всякий американец, он привык слегка надменно относиться к испаноязычным. Судя по именам и фамилиям, можно было подумать, что Филиппины населяют сплошь потомки испанской знати, но стоило взглянуть на лица, сразу же становилось понятным, что перед тобой потомки туземцев, татуированные с ног до головы деды и прадеды которых еще сто – сто пятьдесят лет назад бегали по здешним лесам с копьями и луками в руках.

После кондиционированного воздуха офиса влажная горячая атмосфера тропиков буквально навалилась на спецслужбиста. Стало тяжело дышать. Генри, можно сказать, любил зной, но сухой, тот, к которому он привык у себя на родине в Техасе. Мистер Грин расстегнул и сбросил светлый пиджак, повесил его на руку. Теперь он мог с чувством выполненного долга вернуться домой, устроится перед телевизором и позволить себе несколько бутылок холодного пива. День прошел зря, понимал Генри. Его мечтам о быстрой карьере пока не суждено воплотиться в жизнь. Впереди ожидали такие же пустые и никчемные дни существования.

Он уже дошел до своей машины на стоянке, достал из кармана брелок и хотел вдавить кнопку, как шестое чувство подсказало ему остановиться. Он еще не знал толком, что произошло, но чувство не подвело Генри. В свои тридцать пять лет он был «тертым калачом». Боковое зрение вследствие тренировок работало не хуже центрального. Мистер Грин медленно повернул голову. Мягко горели дежурным освещением окна офиса. Слабый свет пробивался сквозь планки жалюзи. За трансформаторной будкой Генри рассмотрел контейнеры для мусора. Рядом с ними в свете фонаря возился уборщик. Мистер Грин тут же забыл о машине.

Пригнувшись, лавируя между автомобилями, он приблизился к проволочному сетчатому забору и припал к нему лицом. Занятый своим делом Хосе изредка смотрел по сторонам. Но что он мог увидеть? Яркий фонарь над самой головой слепил его, вокруг, как ему казалось, была темнота. Когда человек многократно совершает одно и то же действие, он теряет бдительность.

Мистер Грин заворуженно смотрел на то, как уборщик сортирует мусор. Хосе, глубоко запуская руку в контейнер на колесиках, вытаскивал из него бумаги, обрывки бумаг, встряхивал, сбрасывая с них карандашные очистки, кожуру бананов, конфетные фантики. Быстро просматривал найденное и засовывал себе за пазуху. У мистера Грина перехватило дыхание. Он почувствовал, что настал его звездный час. Перед ним был иностранный агент, нагло воровавший документацию. Конечно же, в офисе стоял уничтожитель бумаг, но в него в основном попадало то, на чем имелся гриф «секретно». Черновики же, наброски, выписки, частично оказывались в корзинах. Грин припомнил, что такое в практике Разведывательного управления уже имело место – уборщик, собирающий ценную информацию в мусорных корзинах.

– Вот ты и попался, – беззвучно проговорил мистер Грин, приседая, чтобы его не заметил Хосе.

Рисаль, окончив свое «черное дело», пошел переодеваться. Генри, воспользовавшись моментом, нырнул в свою машину и буквально сполз на переднем сиденье. Он боялся моргнуть, неотрывно глядя на вход в офис. Наконец дверь медленно отворилась. Ничего не подозревающий Хосе спустился с крыльца и неторопливо зашагал к стоянке. Генри не помнил машины Рисаля. Уборщик прошел вплотную к его автомобилю и остановился у старенького «Фольксвагена Жука». Желтая машинка с побитыми ржавчиной дверцами казалась почти игрушечной. Генри боялся пошевелиться, чтобы не выдать себя. Хосе осмотрелся и забрался в машину. С его ростом пришлось чуть ли не складываться пополам.

Заурчал мотор, и «жук», мигнув габаритными огнями, выкатил на улицу. Грин приподнялся, повернул в замке зажигания ключ. Двигатель новейшего автомобиля заработал практически бесшумно.

Преследовать в плотном потоке удобно, но сейчас улица была пуста. С обеих сторон тянулись бетонные проволочные заборы промышленной зоны. Мистер Грин отпустил Рисаля вперед, ловил взглядам сполохи габаритных огней старенького «жука». Он проклинал себя, что предварительно не проверил, где живет уборщик, теперь можно было бы держаться и подальше от него.

– Он едет к себе домой, – шептал Генри. – Вряд ли сразу же отправится на встречу. Но ничего нельзя исключать. Это мой шанс продвинуться по службе. Иначе придется все время до выхода в отставку мотаться по таким вот богом забытым захолустьям.

Огоньки «жука» ушли за поворот. Мистер Грин прибавил скорость. Он панически боялся потерять «Фольксваген» из вида. Потеряешь, а потом окажется, что Хосе уже успел передать бумаги. И все, никаких улик против уборщика не будет.

Генри с облегчением вздохнул, свернув вправо. Впереди вновь маячил «жук». Так они проехали с десятков кварталов. Мистер Грин каждый раз паниковал, когда приходилось сворачивать. Промышленная зона сменилась жилыми кварталами. Стало больше машин. Теперь уже спецслужбист ехал поближе к Рисалю, не боясь быть обнаруженным. Уборщик наверняка

не предвидел слежки за собой, не петлял по городу, не проезжал по несколько раз по одним и тем же местам. Он двигался кратчайшей дорогой, как делал бы на его месте любой ни в чем не виноватый человек.

На неширокой улице в старом районе Хосе свернул к дому. Поднял роллету гаража и загнал старенький «Фольксваген», после чего закрылся изнутри. Вскоре в доме вспыхнул свет...

– Так вот где твое гнездо, – мстительно прошептал мистер Грин.

Но боязнь ошибиться все же заставила его связаться с постом охраны в офисе.

– Посмотрите адрес, по которому проживает уборщик Хосе Рисаль, – попросил он.

Вскоре голос в наушнике сообщил адрес того самого дома, перед которым стоял Генри. Спецслужбист испытал блаженство: он шел по правильному следу. Отъехал, чтобы не мозолить глаза. Выждал около часа. Хосе Рисаль не покидал своего жилища. Брать завербованного иностранными спецслужбами уборщика пока не имело смысла. Он должен был вывести на более крупную «рыбу» – на своего хозяина. Пока же мистер Грин даже не мог толком сказать, на какую именно разведку работает Хосе.

Генри повертел мобильник в пальцах, набрал номер.

– Алло, Бальтасар... Есть срочная работа... Да-да... Не нельзя отложить до завтра... Встречаемся у тебя... Я уже еду... Поспеш... До встречи...

Генри отключил телефон и хищно улыбнулся. Наконец-то судьба давала ему шанс доказать начальству, что на него не зря тратят деньги американских налогоплательщиков.

Пока мистер Грин ехал на встречу со своим филиппинским коллегой Бальтасаром Алонсо, ничего не подозревающий Хосе Рисаль плотно закрыл жалюзи на кухне и принялся делать то, чему его научил Карл Свенссон. Вскоре обработанные специальным составом бумаги, извлеченные на протяжении всей недели из корзин для мусора, уже были запечатаны в большой желтый почтовый конверт...

Моложавый представитель филиппинской флотской разведки капитан Бальтасар Алонсо уже ожидал своего американского коллегу на одной из конспиративных квартир в центре города. Квартира располагалась в мансарде старого дома, построенного еще в колониальном архитектурном стиле. Оборудована она была несколько странно. Самая большая комната напоминала собой кабинет для допросов в полицейском участке. Даже фальшивый график дежурств висел на стене, а на подоконнике покоилась офицерская фуражка. Капитан Алонсо лишь номинально считался куратором капитан-командера Грина. На самом деле это Генри мог приказывать ему, запрашивать любую помощь, практически любую информацию и поддержку.

Грин позвонил условным звонком. Бальтасар глянул на экран видеофона и открыл замок.

– Входите, – пригласил он Грина.

Капитан-командер переступил порог и глянул на своего филиппинского коллегу. Тот явно был не в восторге от того, что его «дернули» в свободный вечер.

– Извините, но я успел немного выпить, у нас с женой сегодня гости, – проговорил филиппинец.

– Главное, что не успели напиться, – улыбнулся Генри, пожимая капитану руку.

– Срочные дела?

– Очень срочные, – шире улыбнулся Генри, давая понять, что напал на важный след. – Мне нужно просмотреть записи с камер наружного наблюдения за последний месяц, а то и больше, в квартале Сан-Мигель. – Грин назвал адрес дома, принадлежавшего Хосе Рисаль. – Там напротив есть банк и какое-то муниципальное учреждение. Думаю, камеры на входе захватывают и нужный нам дом.

– Сейчас посмотрим.

Бальтасар подсел к компьютеру, защелкал клавишами. У него имелся доступ практически ко всем камерам в городе. Если где-то допуск был закрыт, то хватало одного-единствен-

ного звонка, чтобы его открыли. Филиппинское правительство серьезно относилось к сотрудничеству с США в военной сфере.

– Так, дайте-ка мне.

Алонсо пришлось уступить место за компьютером мистеру Грину. Тот быстро проматывал записи последнего месяца. Одна из камер муниципального отдела как раз смотрела на нужный дом. Каждый вечер, кроме выходных, Хосе Рисаль в пять часов вечера выезжал из гаража, направляясь к офису проектно-строительной фирмы. В свободное время машиной он не пользовался. Обычно навещался около двенадцати дня пешком в близлежащий супермаркет за продуктами.

– Все, есть, – осклабился Генри.

– Что именно? – осторожно поинтересовался Бальтасар Алонсо.

– Каждый четверг Хосе Рисаль в половине второго дня выезжает из своего дома и направляется не к офису, а в центр города.

Грину пришлось приоткрыть свои карты, ведь в дальнейшем он не мог обойтись без помощи своего филиппинского коллеги.

– Мне надо проследить его дальнейшие передвижения, узнать, куда именно он выезжает, с кем встречается, – сказал капитан-командер.

Бальтасар снова защелкал клавишами, подключаясь к видеорегистратору городского управления дорожной полиции. Шаг за шагом по записям с камер они прослеживали перемещения старого желтого «жука». Делать это было не так-то легко. Хосе по четвергам передвигался по городу странным образом. Ехал разными дорогами, объезжал кварталы по нескольку раз, но неизменно оказывался неподалеку от кафе на набережной, после чего скрывался в нем.

– К сожалению, в самом кафе камеры наблюдения не установлены, – признался филиппинский капитан.

Мистер Грин покусывал нижнюю губу, не моргая, глядел на экран, на котором прямо перед террасой кафе застыл остановленный кликом клавиши Хосе. Людей, сидящих за столиками, было невозможно рассмотреть, их прикрывал тент.

– Прокрутите запись входа кафе всех последних четвергов, – предложил Генри.

Бальтасар прокручивал и прокручивал. Грин всматривался в экран. Входили и выходили люди. Целый час ушел на то, чтобы выявить одного и того же человека, заходившего в кафе незадолго до того, как там появлялся Хосе, и выходившего вскоре после того, как Рисаль уже покидал заведение. Мистер Грин с облегчением вздохнул.

– Похоже, что мы нашли того, кого надо, – сказал он. – Сегодня вторник, Бальтасар, есть еще один день на подготовку. Мне потребуются ваши люди для слежки за Рисалем.

– Рад буду помочь, – кивнул Алонсо. – Но не лучше ли ждать его на месте, в кафе?

– Мы не можем рисковать. Вдруг они решили сменить место встречи.

3

Майор Лавров открыл глаза и увидел своего двенадцатилетнего племянника Пашку. Мгновенно вспомнил, где он находится. Джунгли, стрельба, вертолет и прекрасная пулеметчица на выкрашенном в лиловый цвет старом «Ирокезе» были сном. Майор лежал в палатке на надувном матрасе. За откинутым пологом виднелось высоко взошедшее солнце. Сын его двоюродного брата Ивана, к которому он приехал в отпуск на Оку, тряс его за плечо.

– Дядя Андрей! Что вы так кричите?

– Ерунда одна приснилась, – поморщился Лавров, садясь. – Будто мы с тобой в лес пошли, а ты заблудился. Я кричу, кричу, а ты не отзываешься, – соврал он: ему было неудобно перед мальчишкой за этот отчаянный крик.

– А, тогда понятно, – улыбнулся Пашка. – Много вчера вечером рыбы поймали?

– Немного, покажу. Трех плотвичек с ладонь и окуня на полкилограмма.

– Негусто.

– А тебя, Пашка, чего принесло?

– Меня мать с отцом к вам прислали, поесть принести, а то вы уже второй день на рыбалке.

– А еще зачем пришел? – поинтересовался Лавров. – Что-то ты темнишь.

– Я ребят своих привел.

– Зачем?

– Во-первых, рыбу половить. Они всегда здесь, на излучине, ловят.

– А во-вторых? – уточнил Андрей.

– Ну... – замялся мальчишка, не приученный еще беззастенчиво врать.

– Говори, говори, – подбодрил майор.

– Ну...

– Без «ну» никак нельзя? Ты же мне говорил, что, когда вырастешь, офицером станешь. Офицер должен свои мысли выражать четко, коротко и доходчиво для подчиненных, без криво толков и двусмысленностей. Докладывай, зачем ребят привел.

– Чтобы вы им про свою службу рассказали. Про то, как в других странах секретные задания выполняете. Интересно же.

– Кто тебя сказал, что я секретные задания за границей выполняю? – прищурился Батяня.

– Вы же того, майор ВДВ. Чего еще десантуре делать?

– Да, я майор ВДВ. Но у нас еще много всяких служб есть. Я, например, интендант, – соврал Лавров, ну не станешь же признаваться, что служишь в спецназе ГРУ и в самом деле выполняешь секретные задания практически по всему миру.

– Интендант? – переспросил Пашка, словно пробовал незнакомое слово на вкус. – Это типа коммандос?

– Не совсем. – Лавров взъерошил племяннику коротко стриженные волосы. – Интендант – это такой офицер, который занимается обеспечением бойцов. Сапоги, портянки, харчи, простыни с одеялами, парашюты... Ясно?

– Сапоги с портянками? – с ужасом переспросил Пашка. – Я думал, что их в армии уже не носят. А как же всякие международные террористы, враги, шпионы, диверсанты, заложники?

– Этим другие занимаются. Расстроился?

– Но вы же с парашютом прыгали, рукопашным боем владеете...

– Конечно, без этого в десантуре никак. Даже такие тыловые крысы, как я, должны что-то уметь.

– Вы уж меня не подводите. Не говорите ребятам о портянках. Я ж им уже всякого нарасказывал.

– Надо было со мной сперва посоветоваться. А то получается, ты вроде как их обманул.
– Ничего я не обманывал, – обиделся Пашка. – Вы сами, когда с папой в первый день за столом сидели, ему рассказывали, а я не спал, слушал.
– Вот если подслушал, то и не рассказывай другим.
– Не буду. Вы ребятам приемы покажете?
– Покажу. Вот только в порядок себя приведу.
– Хорошо. Мы вам пока мешать не будем, – сказал Пашка и опрометью бросился из палатки, оставив на земле пакет с продуктами.

Лавров брлся, стоя по колено в реке, и поглядывал на деревенских ребят, сидевших в отдалении на мостках с удочками в руках. Недавний сон не давал Батяне покоя. Обычно людям с крепкими нервами сны вообще не снятся. Так было до недавнего времени и с самим Лавровым. Засыпал, словно бы в черную яму проваливался. Но вот после прошлогодней контузии ситуация изменилась. Изредка майору стали сниться кажущиеся реальностью сны – цветные, со множеством звуков, он точно помнил, проснувшись, что чувствовал вещи на ощупь, когда стрелял, то автомат давал отдачу. И хоть из теории Лавров твердо знал, что запахов во сне человек не чувствует, но получалось, что это не так. Вот и сейчас он помнил запах пороховой гари, прелые тошнотворные ароматы джунглей. Но не это было самым странным. Получалось, что редкие цветные сны являлись вещами. Про что Лавров не признался бы никому, особенно военным медикам.

Как и все пророчества, вещие сны Батяни, появившиеся после несильной контузии, сбывались лишь частично и не напрямую. Так что предсказать по ним будущее с пользой для себя никак не получалось. Понимание приходило позже, когда кривое-косое предсказание уже сбывалось. Скажем, снилось ему, что он вместе со своим заместителем капитаном Ильей Прошкиным идет в разведку и попадает в засаду. Потом же в жизни получалось другое. С Прошкиным они шли вместе, но не в разведку, а в магазин за бутылкой водки, но оказывалось, что продавщица раньше ушла домой и остались они ни с чем – попали в «засаду».

Правда, иногда случались и совпадения по службе, и не всегда безобидные. Приснилось Батяне, как он сидит у костра со своим подрывником, а тот ему все взахлеб рассказывает, как заживет после того, как выйдет в отставку. Мол, все уже предусмотрел. И слышно во сне, как сучья потрескивают, и вкус водки чувствуется, даже слегка пьянеешь от нее, и жар от пламени идет. А потом через месяц подрывник гибнет. Основной парашют не раскрылся на сдаче нормативов. Запасной сработал. А толку? Стропы запутались.

– К чему же этот сон с американским «Ирокезом»? – бормотал Батяня, смывая с лица мыльную пену.

Одеколону он с собой на рыбалку не прихватил. Тот в доме двоюродного брата остался. Но выход всегда найдется: Лавров прижиг щеки водкой из недопитой бутылки. Запах, конечно, не такой, как от туалетной воды, но функция та же – дезинфекция мелких порезов.

Андрей вышел на берег, зашагал к мальчишкам. Те только делали вид, что ловили рыбу, ждали появления майора-десантника.

– Ну, здорово, вредители, – сказал Лавров.
– Здравствуйте, – растерялись ребята. – А почему это мы вредители?
– А то сами не знаете. Если мальчишка в детстве не хулиган, то это плохо. Мальчишки рассмеялись.
– Нам о вас Пашка много рассказывал.
– Если много рассказывал, то разведчиком никогда не станет...

Слово за слово майор ВДВ своими разговорами покориł сельских ребят. Он не говорил каких-то конкретных вещей, лишь учил жизни в общих чертах. Его слова так мало напоминали слышанные не раз банальные нравоучения школьных учителей.

– ... плох тот ученик, который не считает своего учителя дураком, – подвел итог Лавров.

– А ведь точно, – удивился Пашка такому повороту мыслей. – Мне и отец похожее всегда говорит. Мол, ты должен вырасти умнее меня, сильнее, выше, больше зарабатывать. Если такого не произойдет, то скоро весь наш род в серых мышей превратится.

– Ну а теперь, если хотите, покажу вам пару надежных простых приемов рукопашного боя.

– Конечно, хотим!

– Только, чур, понапрасну их не применять. Первыми не нападать, только если придется девочку защищать или того, кто младше вас, слабее.

– А то как же еще!

– Ну-ка, давайте все вместе нападайте на меня, – предложил Андрей и принял бойцовскую стойку.

– Вместе на одного нельзя, – засомневался Пашка. – Это неправильно.

– В жизни всякое случается.

– Вы сами это сказали. Потом не обижайтесь.

Шестеро мальчишек стали кругом возле Лаврова, но пока никто не решился приблизиться. Андрей сделал резкий выпад, коснулся пальцами груди Пашки, тот даже не успел среагировать.

– Все, я тебя достал. А если бы у меня в руках был нож?

– Нож – это другое дело.

– Так и веди себя так, словно я вооружен. Не тяните. Обычно побеждает тот, кто делает первым сильный удар. Раз – и одним противником меньше стало, выведен из строя. Раз – и еще один. Все эти мои удары не считаются. Начинаем с чистого листа. Вас шестеро, я один. У вас ножи, я с голыми руками. Пошли.

Теперь уже ребята не ждали. Первыми бросились те, кто стоял у Лаврова за спиной. Он с легкостью увертывался, блокировал удары мальчишек. Действовал осторожно, чтобы никому не причинить вреда. Затем по одному уложил подростков. Ребята были в восторге. Просили показать приемы, которыми он их «обезвреживал», в замедленном действии. К науке отнеслись серьезно.

Через час Батяня уже спокойно сидел у речки на пеньке и только давал советы. Мальчишки успешно отрабатывали приемы друг на друге.

Наконец, уставшие, они расселись на берегу рядом со своим инструктором.

– Жаль, что вы нас не можете научить прыгать с парашютом, – мечтательно произнес Пашка.

Двоюродному племяннику Лаврова казалось, что все премудрости ВДВ можно постичь за один световой день.

– Десантники не прыгают с парашютом, а десантируются, – проговорил Андрей: ему не хотелось расстраивать ребят, чьи глаза светились от радости. – Можно и это попробовать, – усмехнулся майор.

– Как это?

– Где мы самолет возьмем?

– Где парашюты раздобудем?

Посыпались резонные вопросы.

– Прежде чем подниматься в небо, следует хорошенько отработать все действия на земле, – наставительно произнес Лавров.

– На тренажерах? Я по телевизору видел, – тут же оживился Пашка.

– Тренажер у вас есть, – глянул в его сторону Андрей.

– Откуда?

– Пошли покажу.

Ребята потянулись за майором. Вскоре они вышли к обрывистому берегу. Старая ива нависала над водой. К ее ветви была прикручена разлохмаченная веревка с привязанной к ней деревянной перекладиной.

– Тарзанка. Чем не тренажер для будущих десантников? – спросил Лавров. – Кто хочет первым попробовать?

Первенство уступили Пашке как родственнику инструктора. Мальчишки разделись до трусов.

– Первый пошел! – крикнул Лавров.

Пашка разбежался, оттолкнулся ногами от края обрыва и взмыл на веревке над водой.

– Руки разжимай!

Пашка, когда тарзанка уже готова была пойти назад, разжал пальцы и с высоты упал в воду, тут же вынырнул.

– Думаешь, если много брызг поднял, то это хорошо? – спросил Лавров. – В идеале в воду надо входить так, чтобы брызг вообще не было. А для этого следует не группироваться, а идти вниз «солдатином», прорезать воду.

– Понятно.

– Ну, тогда второй пошел!

Еще один подросток разбежался и взмыл над водой. Вновь ребята почувствовали драйв. Лаврову вспомнилось, как он сам в детстве прыгал с тарзанки. Самым шиком у них в деревне считалось не спрыгнуть в воду, а совершить в полете поворот на сто восемьдесят градусов, вернуться на берег, отпустить перекладину и устоять при этом на ногах. Майор раздухарился, и, когда Пашка в очередной раз плюхнулся в воду, сам схватился за перекладину.

– А теперь я! – крикнул Андрей и полетел над водой.

Он умело повернулся на половину оборота и уже слегка поджал ноги, готовый к возвращению, как вдруг разлохмаченная веревка оборвалась. Лавров, как был, в камуфляже полетел в реку, продолжая сжимать перекладину, поднял высокий фонтан брызг.

Лучший способ, чтобы над тобой недолго смеялись, – это весело рассмеяться первому, а не делать вид, что неудача была ранее спланирована. Андрей, хохоча, выбрался из воды.

– И на старуху бывает проруха, – сказал он мальчишкам, сбрасывая камуфляж, а сам подумал:

«Вот и сбылся мой вещий сон. Как всегда, криво-косо», – откуда было знать Батяне, что сон сбылся лишь частично, кое-что от этих сновидений осталось и на ближайшее будущее.

4

В четверг, ровно в половине второго Хосе Рисаль поднял роллету гаража. Старенький «жук» завелся с полуоборота. Уборщик осторожно вывел свой автомобиль на улицу. В дни, когда предстояло передать собранные документы резиденту российской разведки, Хосе чувствовал себя не лучшим образом. От волнения болела голова, ныл живот. Рисаль был человеком крайне подозрительным, повсюду ему мерещилась слежка. Он медленно проехал по своей улице, затем свернул направо. Через квартал вновь сделал правый поворот. Объехал квартал, поглядывая в зеркальце заднего вида. Ему показался подозрительным микроавтобус с задернутыми занавесками на окнах. Он появился только что, но не стремился обогнать «жука», хотя тот ехал очень медленно, а следовал в «кильватере».

– Ну-ка, – проговорил Хосе, останавливаясь возле уличного телефона.

Рисаль выбрался из машины, подошел к стойке и, сняв телефонную трубку, сделал вид, что набирает номер. Микроавтобус проехал мимо и исчез за углом. Хосе перевел дыхание.

– Показалось, – проговорил он, возвращаясь за руль.

Мистер Грин организовал слежку за уборщиком по всем правилам. Четыре машины с людьми, отслеживающими передвижения «жука», постоянно менялись. Они не всегда шли сзади старого «Фольксвагена», временами ехали перед ним, чтобы вызывать меньше подозрений.

Генри и сам участвовал в слежке. Он в дурацкой бейсболке с длинным козырьком и в солнцезащитных очках, одетый в заляпанный краской строительный комбинезон, сидел рядом с водителем микроавтобуса.

– Не держись так близко к «жуку», – шипел он, – давай-ка поотстань.

– Боюсь, мы его потеряем прежде, чем сможем передать другой машине, – беспокойно отвечал водитель.

– Лучше потерять, чем выдать себя, – резонно напомнил мистер Грин. – Видишь, он очень осторожный.

Сказано это было не зря. Хосе колесил по городу без ясной цели. Даже четырех машин оказалось мало, чтобы отслеживать эти хаотические перемещения. Рисаль уже заприметил слежку.

– Третий раз за мной увязывается один и тот же микроавтобус, – пробормотал он.

Руки уборщика подрагивали. Он уже почти уверился в том, что за ним тянется «хвост». Впереди горел зеленым светофор. Хосе сбросил скорость, подъехал к перекрестку, когда зеленый сигнал уже начал мигать. Втопил педаль газа и проскочил пересечение дорог в последний момент – на желтый.

Генри не успел крикнуть своему водителю «стой!», тот, боясь потерять «жука», рванул следом, пронесся перекресток уже на красный, под самым носом у тронувшегося с места грузовика.

– Идиот! – выругался мистер Грин. – Он же нас заметил.

Спецслужбист был абсолютно прав. Хосе окончательно убедился, что его преследуют. Теперь он уже не тащился по улицам, а мчал, насколько позволяла разогнаться его старенькая машина.

– Остановиться? – спросил водитель у Грина.

– Теперь в этом нет надобности. Он нас вычислил. За ним. Прижми его и останови. Только осторожно, он может быть вооружен.

– Сделаем. – Водитель прибавил скорости.

Хосе мчал и постоянно оглядывался. Микроавтобус догонял его. Впереди уборщика не ждало ничего хорошего. Бумаги, собранные за прошлую неделю по мусорным корзинам, находились при нем. Если его возьмут, то возьмут с поличным – не отвертеться.

– Черт, черт, – шептал он, – выжимая из своего «жука» все возможное.

Рисаль не был хорошим водителем. Никто не обучал его вождению в экстремальных условиях. Микроавтобус маячил сзади, даже пару раз моргнул фарами и посигналил. Грин, высунувшись в окошко, махал рукой, приказывая остановиться. Преследователи уже не пытались маскироваться.

Единственным шансом выкрутиться из положения для Хосе было оторваться хотя бы на пару минут и избавиться от изобличающих его бумаг. И ради этого стоило постараться. Если его возьмут с пустыми руками, то ничего не докажут.

Микроавтобус пошел на обгон, ударил в дверку бортом. Заскрежетали по высокому бордюру колесные диски. Руль чуть не вырвался у Рисаля из рук. Еще один удар, еще один. Хосе улучил момент, бордюр перед аркой двора снижался. Он резко тормознул, вывернул руль и въехал на тротуар. Теперь «жук» и микроавтобус мчались рядом. «Фольксваген» по тротуару, а его преследователи по проезжей части. Их разделяли ограждения. Редкие прохожие шарахались, прижимались к стенам, посылали вслед Рисалю проклятия.

Мистер Грин сунул руку в карман комбинезона и выхватил пистолет, передернул затвор.

– Ровней держи и опусти стекло, – приказал он водителю. – Я ему сейчас колесо прострелю.

Хосе увидел направленный в его сторону ствол, пригнулся. Хлопнул выстрел. Колесо не зашипело – старенький, истертый протектор и латаная-перелатаная камера буквально взорвались. «Жук» закрутило и на полной скорости бросило на фонарный столб, посыпалось лобовое стекло.

Водитель микроавтобуса ударил по тормозам. Мистер Грин выскочил из машины. С пистолетом в руке подбежал к «Фольксвагену». Рисаля от удара бросило вперед. Он лежал лицом вниз на смятом капоте, из раскроенной головы текла кровь.

– Дерьмо, – зло произнес мистер Грин, когда понял, что Хосе мертв.

Теперь он проклинал в душе тот момент, когда решил перестраховаться на случай, если передача бумаг произойдет не в кафе, а в другом месте.

Из-за поворота выехала машина. Бальтасар выскочил из-за руля и подбежал к Генри.

– Мертв? – спросил он.

– Мертвее не бывает, – мрачно ответил капитан-командер Грин и заглянул в машину.

На полу лежал упавший с переднего сиденья желтый почтовый конверт...

... Виталий Рождественский, известный на Филиппинах как Карл Свенссон, сидел за столиком в кафе. Перед ним стояла бутылка холодной минеральной воды, стакан и чашка с кофе. Даже если бы Хосе был жив, уборщик проектно-строительной фирмы не смог бы предупредить резидента об опасности. Ландшафтный дизайнер строго придерживался правил конспирации. Со своей агентурой он никогда не созванивался ни со стационарного телефона, ни с мобильного, не имел связи и по Интернету. Любой звонок, СМС, и-мэйл оставляют след. В крайнем случае Виталий мог позвонить агенту с уличного телефона.

Хосе задерживался, но такое случалось и прежде, ведь уборщик был крайне подозрителен, повсюду ему мерещилась слежка. Иногда он опаздывал даже на час: колесил по городу прежде, чем подъехать к кафе. По договоренности Рождественский должен был ожидать его полтора часа. Если Хосе не появлялся, то следовало ровно через неделю в четверг снова появиться в кафе.

Рождественский допил остывший кофе и подозвал официанта.

– Еще одну чашку, пожалуйста.

Виталий развернул свежую газету и принялся читать. Внешне он выглядел абсолютно спокойным. Можно даже сказать, имел скучающий вид. При себе у него не имелось ничего компрометирующего, если не считать, что в кармане лежал конверт с деньгами для оплаты услуг Хосе Рисаля. Но кто сказал, что с собой запрещено носить деньги в конвертах?

Ландшафтный дизайнер незаметно перевел взгляд на часы, висевшие за барной стойкой. Уже миновал час с назначенного для встречи времени.

Официант поставил перед посетителем чашку со свежесваренным кофе.

– Спасибо. – Рождественский кивнул и тут же пригубил.

– Еще что-нибудь?

– Нет, не надо. Спасибо. Сколько я вам должен?

– Сто двадцать песо. Чек принести?

– Я запомнил.

Официант, поняв, что в его услугах больше не нуждаются, тут же отошел в сторону. Виталий зашелестел газетой, но ему не дали прочитать даже заголовок. К столику подошел молодой жавый мужчина-филиппинец.

– Простите, – сказал Бальтасар Алонсо. – У вас не занято? – Он указал на свободный стул напротив Рождественского.

– А в чем дело? – поднял брови Виталий.

В кафе оказалось несколько свободных столов, и было странно, что мужчине понадобилось подсесть к ландшафтному дизайнеру.

– Я сейчас все объясню, – проговорил Алонсо, отодвигая стул и присаживаясь. – Дело в том, что Хосе не смог сегодня прийти, – прошептал он и внимательно посмотрел в глаза Рождественскому. – Его на работу срочно затребовали.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – пожал плечами Виталий. – Я никого не жду. Вы ошиблись.

– Ошибки быть не может. Хосе мне вас описал. Он просил передать вам это. – Алонсо положил на стол желтый почтовый конверт. – Берите. Сказал, что в следующий раз не сможет прийти. Для него, как я понял, это важно. Да, и просил, чтобы вы передали мне деньги за уже сделанную работу.

Рождественский не притронулся к конверту.

– Вы ошибаетесь.

– Вы даже не хотите взглянуть, что там внутри? – улыбнулся Алонсо.

– Это чужое. Зачем мне смотреть?

Рождественский говорил настолько уверенно и натурально, что Бальтасар даже засомневался, тот ли перед ним человек.

– Как можно знать, чужое оно или ваше, если вы не заглянули внутрь конверта?

Алонсо говорил так, как научил его мистер Грин: надо было заставить Рождественского взять конверт, чтобы на нем появились его отпечатки пальцев. О деньгах Алонсо напомнил намеренно, так выходило более натурально. По большому счету на ландшафтного дизайнера у Генри ничего не было, одни догадки. А появившись отпечатки пальцев на конверте с документами, это уже будет юридическая зацепка. Ему было бы лучше, если бы Свенссон заплатил за информацию. Пока еще мистер Грин рассчитывал действовать в правовом поле.

– Вы мне мешаете, – проговорил Рождественский. – Я вообще не понимаю, о чем идет речь. Вы, случаем, не рекламный агент, не коммивояжер?

– Хосе попросил меня передать вам конверт, и я не могу просто так уйти.

– Тогда уйду я. – Рождественский положил на стол деньги за кофе и минералку, поднялся. – Счастливого оставаться. Надеюсь, вы найдете того, для кого некий Хосе передавал конверт. Тем более вы говорили, что ему это очень важно.

Ландшафтный дизайнер кивнул и двинулся к выходу. Случившееся насторожило разведчика. Не мог Хосе с его осторожностью доверить конверт постороннему, да и вел себя незнакомец как-то странно. Боковым зрением Рождественский заметил стоявшую неподалеку от кафе машину. На переднем сиденье расположились двое крепко сложенных мужчин с каменными лицами.

Виталий до этого собирался идти вправо, чтобы вернуться в офис, но теперь свернул влево, чтобы не проходить мимо подозрительной машины. Автомобиль тронулся с места. Неторопливо проехал рядом с ним. И тут к Рождественскому резко подрулил микроавтобус с занавешенными боковыми стеклами. Взвизгнули тормоза. Ландшафтный дизайнер побежал, но двое мужчин, выскочивших из микроавтобуса, догнали его, повалили на землю.

– Спасите! – крикнул Рождественский, стараясь привлечь внимание немногочисленных прохожих.

Но один из нападавших тут же выхватил из кармана удостоверение с жетоном, взмахнул им.

– Работает полиция! – крикнул он. – Задержание!

Вид официального документа остудил тех из посетителей кафе, кто захотел прийти Рождественскому на помощь. На его запястьях защелкнулись наручники. Его подхватили под руки, затолкали в микроавтобус и тут же надели на голову мешок из плотной материи.

– Что происходит? – спросил Виталий, когда его усадили на сиденье.

Никто ему ничего не ответил.

– Это похищение?

– Заткнись, – посоветовал хриплый голос.

Рождественский замолчал. Он пытался понять, куда его везут. Отмечал в памяти повороты, остановки на светофорах, но скоро сбился со счета. По тому, как нагло его схватили посреди белого дня, на глазах у прохожих, было понятно, что действовали представители спецслужб. Если бы это являлось бандитским нападением, то похитители уже давно бы сменили машину. Ландшафтный дизайнер стал перебирать в памяти, не оставил ли он в офисе или в квартире что-то, что могло бы указать на его настоящий род занятий. Не вспомнилось ровным счетом ничего, все бумаги, полученные ранее от Хосе, он успел переправить надежному человеку, осуществлявшему связь с Москвой. Все ненужное сжег.

Микроавтобус еще раз свернул и остановился.

– Выходи, – прозвучал тихий приказ.

Рождественского взяли под локоть и вывели из машины. Скованные наручниками запястья прикрыли чем-то вроде плаща или пиджака. Из-под мешка он не мог увидеть, чем именно.

– Осторожно, ступеньки, – прозвучал возле самого уха голос.

Шаги гулко разлетались по лестничной клетке. Затем щелкнул замок, скрипнула дверь.

– Сюда, – пленника подтолкнули в спину и сдернули с головы мешок.

Рождественский осмотрелся. Он стоял в просторном помещении. Судя по обстановке, это был полицейский участок. За одним из письменных столов сидел офицер полиции. Перед ним лежал тот самый желтый почтовый конверт, который ему пытался всучить в кафе незнакомец.

– Сержанта, – произнес офицер. – Обыщите задержанного.

– На каком основании? – поинтересовался Рождественский.

– Основания у меня имеются, – глядя перед собой, произнес офицер.

Полицейский сержанта обыскал Рождественского. На стол легли паспорт, носовой платок, мобильный телефон, конверт с деньгами, портмоне, записная книжка, ручка, связка ключей, конверт с филиппинскими песо и небольшой прозрачный пакетик с белым порошком внутри.

– Это не мое, – указал на пакетик Рождественский.

– Все так говорят, – ухмыльнулся офицер и взял паспорт. – Экспертиза покажет, что это такое. Сахарная пудра или наркотик. Значит, вы гражданин Швеции Карл Свенссон?

– Все правильно, кроме одного. В Швеции нет граждан, есть подданные шведского короля.

– Это не существенно для вашего положения, – ухмыльнулся офицер. – Судить вас будут по нашим законам, а Филиппины республика.

– Пакетик вы мне подбросили, – спокойно проговорил Свенссон. – На нем нет моих отпечатков пальцев.

– Вы так уверены?

– Я отказываюсь говорить с вами. Я требую вызвать моего адвоката и проинформировать о моем задержании шведского консула.

– Ваше право, – улыбнулся офицер полиции. – Но, думаю, до этого не дойдет. Потому что у вас есть и другой вариант развития событий.

– Не понимаю, про что вы говорите.

– Сейчас вы все поймете. Я оставляю вас на какое-то время.

Офицер поднялся и покинул кабинет вместе с сержантом. Было искушение схватить пакетик и уничтожить его. Как? В кабинете имелся умывальник – включил воду, разорвал и затолкал в слив. Но Рождественский сразу же подавил в себе это желание. Нельзя исключать, что сейчас за ним наблюдают через скрытые камеры, ведется видеозапись. Стоит взять пакетик – и тут же ворвутся полицейские. Вот тогда уж не докажешь, что пакетик с белым порошком тебе подбросили, ведь на нем появятся отпечатки пальцев.

Резидент российской разведки продолжал сидеть, спокойно глядя перед собой. Ситуация, в которой он оказался, не сулила ничего хорошего. Вряд ли он стал обычной жертвой следователя, которому по службе не на кого повесить распространение наркотиков. Куда менее хлопотно это можно сделать, обвинив какого-нибудь филиппинца с малым недостатком, а не иностранца, преуспевающего «шведа». Скорее всего, и об этом свидетельствовал желтый почтовый конверт, Рождественский все же косвенно попался на документах Хосе Рисаля. Что ж, разведчик не спешил ускорять события, следовало понять, что известно противной стороне, какие у нее есть доказательства.

Прошло достаточно времени для того, чтобы, как понимал нелегал, тот, кто следил за ним посредством камер наблюдения, сообразил: ни к пакету с порошком, ни к документам он не притронется, а потому и решил войти.

– Добрый день. – Мистер Грин прошел к столу и посмотрел в глаза Рождественскому.

В Генри нелегал мгновенно признал американского спецслужбиста – нездешняя внешность, американский вариант английского. Даже двух произнесенных слов было достаточно, чтобы сделать подобное умозаключение.

– Возможно, и добрый, – примирительно произнес Рождественский.

– Ваше? – Генри повел рукой над столешницей, где были разложены вещи, найденные при обыске.

– Все, кроме желтого почтового пакета, мне его сегодня уже пытался всучить в кафе какой-то подозрительный тип, и пакетика с белым порошком. Мне его подкинули. – Нелегал говорил с легким волнением, как и делал бы на его месте любой законопослушный человек, и при этом говорил «правду».

– Я не настаиваю, что порошок ваш. Да, вам его подбросили. И теперь только от вашего поведения будет зависеть ваша дальнейшая судьба.

– Как это понимать? – изобразил недоумение российский резидент.

– Ах да. Забыл представиться. Генри Грин, капитан-командер, флотская разведка США. А вас как зовут?

– Очень приятно, несмотря на обстановку. Карл Свенссон, ландшафтный дизайнер, – спокойно ответил Рождественский и кивнул на свой паспорт. – Чем моя скромная персона заслужила такое внимание американской флотской разведки? Попытаюсь угадать. А, понимаю, мне в этом году пришлось выполнять один заказ на обустройство участка, принадлежавшего родному брату одного из филиппинских адмиралов. И вы хотите привлечь меня к сотрудничеству? Но это же незаконно: если я буду сотрудничать с вами, то у меня могут возникнуть проблемы с местными властями.

У Генри нервно дернулась щека, он понял, что так просто нелегала не расколешь.

– О том, что у вас документы на имя Карла Свенссона, я знаю. Меня интересует ваше настоящее имя. Давайте говорить открыто. Ваш информатор – уборщик Хосе Рисаль уже во всем сознался, когда мы его взяли вместе с документами, изъятыми из корзин для бумаг. Он и сообщил нам, где и когда произойдет ваша встреча.

– Какой уборщик, какие документы? – пожал плечами Свенссон.

– Эти самые. Не желаете взглянуть? – кивнул на конверт американец.

– Не имею ни малейшего желания. Вы ошибаетесь. Возможно, какой-то Хосе, вы сказали, что он работает уборщиком, и хотел кому-то передать документы в кафе. Но не мне, а другому человеку. Беседуя со мной, вы зря теряете время. Я не знаю, как работают спецслужбы, но из книг, фильмов и газет почерпнул, что информатора обычно не арестовывают сразу, а ведут, пока он не выведет на заказчика.

– У нас свои методы. Хосе Рисаль назвал именно вас. Не запирайтесь. У меня для вас есть хорошее предложение.

– Не понимаю, о чем вы говорите, но готов выслушать, – сделал вид, что согласился, подданный шведского короля.

– Это уже хорошо. Вы человек, как я понимаю, здравомыслящий, – начал мистер Грин, – другие в разведке не работают, их отсеивают. С одной стороны, есть пакетик с наркотиками, который, честно вам признаюсь, был вам подброшен в микроавтобусе. У моей страны сильное влияние в здешних краях. А потому, не сомневайтесь, одного моего слова достаточно для того, чтобы местные следствие и суд засадили вас в филиппинскую тюрьму. Тут не Швеция и не Америка. Тюрьмы ужасные, контингент и того хуже, – очень выразительно скривился американский капитан-командер. – С другой стороны, вы уже сегодня можете выйти на свободу, и вашей карьере ничего не будет угрожать. Пакетик с порошком просто исчезнет. Для этого тоже достаточно одного моего слова. Мне нужно лишь устное согласие на наше с вами сотрудничество. Для своих хозяев вы остаетесь таким же хорошо законспирированным нелегалом, надежным поставщиком достоверной информации. Цена свободы – вы сдаете мне... Нет, нет, не сдаете... Это не то слово. Вы передаете мне информацию по вашей агентурной сети на Филиппинах. Никто из них не пострадает. Мы просто возьмем всю сеть под свой контроль, изредка будем сбрасывать в нее нужную нам информацию. Вот и все. Я доходчиво все объяснил?

– Вполне, но только не по адресу. Вы ошиблись. Я просто ландшафтный дизайнер. Моя фирма преуспевает. Зачем мне еще заниматься шпионажем?

– Не скажите. Есть еще такое понятие, как убеждения, желание рисковать. В моей практике попадались и такие нелегалы, кто на доходы от своей фирмы содержали всю агентурную сеть.

– Это не мой случай. Чтобы убедиться в ошибке, достаточно устроить мне очную ставку с этим вашим уборщиком. Хосе, кажется, так вы его назвали? Он сразу же скажет, что я не имею к нему никакого отношения.

Мистер Грин глубоко вздохнул.

– Вы начинаете меня утомлять и злить. В вашем положении это чревато серьезными последствиями. Взгляните на документы, которые вам собирался передать Хосе. – Мистер Грин взял конверт и высыпал из него на стол бумаги.

– Какие-то чертежи, технические наброски и записки. Честно говоря, я в этом ничего не понимаю, – бесстрастно вздохнул Карл Свенссон.

– А вы повнимательней взгляните. Освежите память, – подсказал мистер Грин.

Рождественский деловито поправил очки, прошелся взглядом по бумагам, не прикасаясь к ним.

– Результат прежний. Вы теряете со мной свое драгоценное время.

Генри подошел к окну, раздвинул металлические планки жалюзи. Он ни секунды не сомневался, что швед – разведчик-нелегал. Знал, что это его шанс сделать карьеру, но у мистера Грина на ландшафтного дизайнера не было ровным счетом ничего. Если не считать подброшенного пакетика с наркотиками. Но такой финт был достоин опустившегося ленивого филиппинского копа, а не представителя флотской разведки США. Начальство таких вещей не любит. Оно может закрыть глаза на подобные вещи, но только в случае успеха. Скажем, Грин положил бы на стол список агентов, информаторов, которыми тайно управляет этот чертов Карл Свенссон.

– Наш разговор неофициальный, – напомнил Генри. – Подумайте о своем будущем. – Хосе Рисаль уже сдал вас. Вам не отвертеться. Будет и очная ставка, и все остальное, включая тюрьму, если вы не согласитесь сотрудничать с нами. Даже пакетик с наркотиками для этого не понадобится.

Рождественский задумчиво смотрел перед собой. Перспективы вырисовывались неутешительные. Он знал, какой следующий ход сделает мистер Грин. Тот скажет, что сумеет сбросить дезинформацию, будто бы он – Рождественский – сдал-таки всю агентурную сеть. Мол, и Хосе Рисаля он лично сдал.

– Можно закурить? – попросил «швед».

Глаза Генри зажглись: если человек просит о чем-то, значит, сломался. Теперь главное, аккуратно его дожать, и дело будет в шляпе.

– Без проблем. – Мистер Грин сунул руку в карман и положил перед Рождественским пачку сигарет, а наверх ее – зажигалку, оформленную в цвета американского флага..

Нелегал неторопливо открыл пачку, вынул сигарету, крутанул колесико зажигалки, посмотрел на огонек, выскочивший из микрогорелки, словно в это время принимал нелегкое решение.

– Наше сотрудничество будет хорошо оплачиваться. В будущем, когда надобность в нем отпадет, вам предоставят возможность перебраться жить в США, – решил дать еще один бонус нелегалу для положительного ответа Генри.

Рождественский прикурил и, глядя на Генри, опустил руку с зажигалкой. Язычок пламени лишь коснулся края одной из бумаг. Но от этого касания мгновенно вспыхнула ярким огнем вся пачка. Это сработал специальный состав, которым по наставлениям Рождественского Хосе Рисаль обрызгивал все передаваемые документы, чтобы в случае опасности их можно было уничтожить за считанные секунды.

Мистер Грин среагировал не сразу. Несколько мгновений он стоял каменным столбом и таращился на пылающие бумаги. Затем смел их со стола на пол и принялся топтать ногами. Но документы не гасли, продолжали гореть, чернели, скукоживались.

На шум прибежали полицейские. Штанины у Генри уже дымились.

– Да не топчите! – кричал он. – Несите воду! Заливайте!

Сержант метнулся за дверь. Офицер бросился к холодильнику. Когда сержант вернулся с кружкой воды, гасить уже было нечего. По кабинету кружилась, рассыпалась пеплом черная метель. Мистер Грин вырвал у сержанта кружку с водой и плеснул себе на дымящуюся штанину.

– Черт, какой я неловкий... – извиняющимся тоном проговорил Карл Свенссон. – Я честно не хотел... Так получилось, – пробормотал он.

По его лицу невозможно было сказать – издевается он или говорит серьезно.

– Я сам не понимаю, как это произошло... – мямлил поданный шведского короля, – странная бумага, никогда не видел, чтобы так горела.

– Ты пожалеешь об этом, – мстительно прошипел американский капитан-командер, в упор глядя на Рождественского. – Очень сильно пожалеешь. Есть много способов вытянуть из человека правду.

Теперь у Генри не осталось даже бумаг из мусорных корзин в качестве косвенного доказательства. Лишь догадки, а на них далеко не уедешь. Начальство такого не любит. Оставался один выход – сломать несговорчивого нелегала, вытащить из него информацию любым путем, не стесняясь в средствах.

5

Это уже стало традицией. Хорошей или плохой? Даже сам Лавров не мог дать ответа на такой вопрос. Ни одного отпуска ему не удалось отбыть до конца. Непременно случалось так, что его «выдергивали» самым срочным образом. Вот и полноценно погостить у двоюродного брата на Оке майору не пришлось.

Когда они обедали на террасе, на проселочной дороге появилась черная легковая машина с военными номерами. Пашка сильно обрадовался, завидев, как из автомобиля, остановившегося перед родительским домом, выбрались самый настоящий генерал и в штатском моложавый мужчина с непроницаемым лицом.

Мальчишка сразу понял, что всякие портянки и сапоги, которыми занимается дядя-интендант, это чистой воды россказни. Не станет генерал лично приезжать за таким офицером, тем более не станет с ним уважительно беседовать. Значит, дядя Андрей в самом деле выполняет секретные задания, вот только рассказывать об этом не хочет. Что ж, правильно, – конспирация.

Сборы прошли быстро. Уже через полчаса Батяня попрощался с родственниками и укатил на генеральской машине. Моложавый мужчина в штатском, бывший полковником СВР, уже по дороге к военно-воздушной базе под Серпуховым, вводил майора Лаврова в курс событий и ставил ему задачи. Ситуация, в которой понадобилось задействовать спецназ ГРУ, выглядела непростой.

– ... Нашего резидента арестовала филиппинская полиция по подозрению в наркоторговле. Естественно, это было классической «подставой» американской флотской разведки. – Мужчина в штатском вывел на экран фотографию Рождественского. – По предварительной, еще не проверенной информации, Рождественского удерживают в одной из тюрем, расположенной на небольшом острове. Каком именно? Еще неизвестно. Но возможны и другие варианты. Их нельзя исключать. Я не сомневаюсь в нашем резиденте, но на сегодняшний день существует множество изощренных способов выбить из человека секретную информацию, даже против его воли. Поэтому вам, майор, и ставится задача: отыскать Рождественского и освободить его. Вас эвакуируют с Филиппин. Подберите группу.

– На Филиппинах есть надежный человек из ваших, кто сможет помочь нам? – поинтересовался Батяня.

– Естественно, – кивнул «штатский». – Правда, я сам не знаю, кто он такой. На него раньше указал сам Рождественский.

– Как же мне на него выйти? – озадаченно посмотрел на собеседника Лавров.

– Резидент предусмотрел вариант связи на случай своего провала. Им и воспользуетесь, я вас проинструктирую.

– Когда вылетать?

– Вчера. У вас есть предварительные прикидки по людям, с которыми будете выполнять задание?

– Считайте, группа уже сформирована...

... Майор Лавров имел своих «любимцев» – тех, в ком был абсолютно уверен. Операция предстояла сложная, могли потребоваться специалисты любого профиля. Но не наберешь же группу из семи-десяти десантников! Такую компанию хорошо не легендируешь. Она сразу бросится в глаза спецслужбам. Поэтому Батяня решил сделать ставку на «универсалов». Заместитель комбата, командир роты капитан Илья Прошкин славился и как подрывник, и как снайпер, а прапорщик Ростислав Сазонов имел и неоконченное медицинское образование и прекрасно разбирался в электронике. Вот и вся группа. В случае необходимости на сам момент освобождения Рождественского из плена Лаврову обещали «подослать бойцов». Добираться

до Филиппин было решено врозь на разных авиарейсах, чтобы особо не привлекать внимание американских и филиппинских спецслужб. Встретиться предстояло уже на месте. Каждый из членов группы имел свое легендирование, которое позволяло потом «завести знакомство» с товарищами.

Так Батяня в качестве туриста с эстонским паспортом и оказался на борту самолета, совершающего рейс Киев – Манила. Прапорщик и капитан летели другими рейсами. Эстонский паспорт давал свои преимущества. Документы Евросоюза обычно не вызывают подозрений у азиатских пограничников, особенно если летит по ним «белый» человек. Ну, в самом деле, не заподозришь же европейца в том, что он собирается по поддельным документам въехать в азиатскую страну. К тому же в случае чего, при случайной встрече с «соотечественниками», эстонское гражданство вполне могло быть у русского, чем можно объяснить незнание им эстонского языка.

К дальним перелетам Андрей был привычен. К тому же теперь приходилось лететь не транспортником, а комфортабельным «Боингом». Лишь только самолет набрал высоту и зажглись панели, разрешающие расстегнуть ремни, майор тут же крепко уснул. Ведь никто не мог дать гарантию, что на месте удастся выспаться...

* * *

... Пока самолеты с майором Лавровым, капитаном Прошкиным и прапорщиком Сазоновым находились в воздухе, капитан-командер американской флотской разведки бойкий и хитрый мистер Генри Грин не сидел сложа руки.

В бетонной комнате без окон, куда его привели конвоиры из общей тюремной камеры, нервно прохаживался Виталий Рождественский, пытаясь понять, что ему уготовил американец на этот раз. Было уже и избиение, и пытка бессонницей, но солидная, пройденная еще в России спецподготовка не дала резиденту сломаться. Он неизменно повторял, что является шведским подданным Карлом Свенссоном, работает на Филиппинах ландшафтным дизайнером.

Мебели в помещении, освещавшемся двумя лампочками, забранными в провололочные плафоны, было немного. Лишь два намертво привинченные к полу металлических стула с истертыми фанерными сиденьями да металлический же стол. Еще на полу лежал старый ковер.

Резидент понимал, что долго ожидает не потому, что о нем забыли. О нем хорошо помнят, мистер Грин наверняка где-то рядом и наблюдает за ним через камеру, укрепленную под потолком. Ожидание должно выматывать пленника, заставлять думать и сомневаться.

Рождественский не ошибался. Мистер Грин находился в соседнем помещении и смотрел в монитор. Дверь открылась, и в комнату вошел Бальтасар Алонсо в сопровождении колоритного типчика. Типчик был помесью африканца с китайцем – кучерявые волосы густой шапкой покрывали голову, на них держался небольшой головной убор, напоминающий тибетейку. Раскосые азиатские глаза разительно контрастировали с пухлыми, выпученными, как у верблюда, губами. Одет мужчина был в живописный халат, в руках держал большую, шитую бисером потертую временем сумку.

Генри скептически осмотрел мужчину. Место ему было не среди современных людей, а скорее в музее туземного быта.

– Знакомтесь, – представил Алонсо. – Педро Сервантес.

У мистера Грина нервно дернулась щека.

– Сеньор Педро, вас не затруднит подождать минутку за дверью?

Этнографический тип сдержанно кивнул, поворачивая глазами и вышел за дверь, оставив ее приоткрытой.

– Закрой дверь, – обратился к Алонсо Генри.

– Сейчас. А в чем дело? – исполнил просьбу Бальтасар.

– Я тебя просил найти мне лучшего гипнотизера, – тихо проговорил мистер Грин. – А ты мне кого привел? Что это за чучело?

– С гипнотизером не так просто, – развел руками Бальтасар. – А Педро Сервантес даже лучше гипнотизера, он колдун вуду. Про него рассказывают, что он способен оживлять мертвецов и делать из них зомби.

– Рассказывают или умеет на самом деле? – задал справедливый вопрос капитан-командер, но не стал дожидаться на него ответа. – Мне не надо делать из Свенссона зомби. Мне нужно, чтобы он заговорил. Сказал правду!

– Сеньор Сервантес заверил, что сумеет это сделать.

Генри с сомнением покачал головой.

– Сервантес – его настоящая фамилия или псевдоним колдуна?

– Настоящая, – с готовностью ответил Бальтасар.

Мистер Грин глубоко вздохнул. Не нравилась ему эта чертовщина. Он привык работать традиционными методами, не предусматривающими при допросах ни колдунов, ни ясновидящих. Но выбора не оставалось. Карл Свенссон вот уже битый час маялся в каменном мешке и, как казалось Генри, созрел для допроса.

– Твой колдун сумеет ввести его в транс? – спросил он.

– Запросто, – пообещал капитан Алонсо.

– Тогда пошли...

Рождественский вздрогнул, когда загрохотал дверной засов. Он ожидал увидеть очередных тюремщиков-палачей с резиновыми дубинками или же медика с саквояжем, в котором покоятся ампулы с «сывороткой правды». К этому он был готов. Спецподготовка позволяла ему практически полностью отключать ощущение боли. К «сыворотке правды» у резидента был выработан иммунитет. Но реальность практически всегда противоречит предположениям. Резидент удивленно посмотрел на колоритного сеньора Педро.

– Вы по-прежнему не передумали? – спросил мистер Грин без особой надежды на отрицательный ответ.

– Не пойму, чего вы от меня хотите? – проговорил Рождественский, глядя поверх головы Генри. – Да, под пытками я могу оговорить себя. Сознаться в том, чего никогда не делал. Если вы хотите это услышать, я даже могу признаться в том, что некий Хосе лазил по мусорным корзинам по моему заданию. Но вам, как я понимаю, это не надо. Вы хотите знать правду. А правда такова, что я Карл Свенссон от рождения и до сегодняшнего дня. Вашего Хосе отродясь не видел, не знал. По профессии я ландшафтный дизайнер. Никогда не имел отношения к разведке и шпионажу. Из-за вас от меня уходят клиенты, срываются заказы. Кто мне это компенсирует? Самый большой мой грех в жизни – это интимные отношения с замужней женщиной. Боже, за что мне такое наказание? – Рождественский картинно воздел перед собой руки.

– Перестаньте ломать комедию, – строго сказал мистер Грин. – Это вам не поможет. Рано или поздно я услышу от вас правду. В ваших интересах, чтобы это произошло добровольно. Вы еще не готовы признаться в том, что очевидно?

– Очевидно кому? – спросил Рождественский.

– И мне, и вам, – улыбнулся Генри.

– Вам, может быть, но не мне.

– Значит, не готовы признаться?

– Не сегодня и не завтра. Мне не в чем признаваться.

– Тогда проведем небольшой эксперимент, – предложил Генри, усаживаясь на стул и забрасывая ногу за ногу.

Бальтазар Алонсо тоже сел рядом со своим американским коллегой. Педро Сервантес вопросительно глянул на мистера Грина, понимая, что главный здесь именно он.

– Приступайте, сеньор, – предложил американец.

Колдун вуду насупил брови, глянул на Рождественского.

– Садись, – требовательно произнес он, указывая на истертый ковер. – К стене садись.

– Кто он такой? – спросил Рождественский.

– Наш ассистент, – расплывчато ответил Грин. – Советую его слушаться.

– Что он собирается делать?

– То, что ему положено, – проговорил Генри.

На самом деле и ему самому хотелось бы знать, что станет делать колдун Вуду. Рождественский пожал плечами, одернул свою ярко-оранжевую тюремную робу и, сев на ковер спиной к стене, сложил по-турецки ноги. Перед ним устроился Сервантес и принялся раскладывать свой инструментарий. Первым делом он достал из сумки человеческий череп. Кости поблескивали желтым светом, словно были натерты воском. Затем он водрузил на череп венок из сухих цветов, при этом стал невнятно бормотать какие-то заклинания. Слова были непонятны всем присутствующим, возможно, включая и самого колдуна, но звучали грозно, пугающе, как страшные проклятия.

Мистер Грин почувствовал, как у него пошли мурашки по спине. Алонсо глянул на него, как бы давая понять взглядом: мол, я же говорил, это почище любого гипнотизера будет.

Сервантес принялся трясти мохнатой головой, словно на него напал приступ трясучки. Выпяченные губы противно зашлепали. Педро вынул из сумки распятие и положил его перед Рождественским.

– Что это за средневековье? – спросил он.

– В глаза мне смотри! – крикнул колдун на жутком английском.

– Хорошо. Буду смотреть в глаза, – согласился резидент.

До того как вошел колдун, Рождественский не был готов к подобному испытанию. Да и теперь не представлял себе толком, в чем оно будет заключаться. В курс спецподготовки противодействие магии вуду не входило. Но любая магия по большому счету строится на гипнозе, внушении. Резидент «включил» в своей голове защиту, поставил так называемый тройной защитный блок.

Сервантес пялился на Рождественского, высовывал длинный язык, вращал им. Что-то шептал, шипел, словно змея. Виталий ощутил приступ тошноты, так это было противно, закружилась голова. Слюна сама собой стала наполнять рот. Рождественский опустил веки.

– В глаза смотри! – крикнул колдун.

От этого крика не по себе стало и Генри с Бальтасаром.

Сервантес принялся зажигать свечи и ставить их полукругом возле Рождественского. Это были не простые восковые свечи, от них шел еще какой-то приторный запах, от которого сильнее кружилась голова. Педро скороговоркой принялся читать христианские молитвы. Это было странным сочетанием. Древние туземные заговоры и католические тексты. При этом колдун стал сыпать на свечи порошки из коробочек. Те тут же вспыхивали разноцветными огнями, расплзались благовонным дымом.

Генри закашлялся. Бальтасар прикрыл лицо носовым платком.

– Святая Дева Мария, смилуйся над нами... Аминь... – прошлепали губы колдуна.

При этом его лицо было злым, как у сказочного Кощея Бессмертного, руки рассыпали цветные порошки. Отряхнув с ладоней пыль, колдун простер их над головой Рождественского и вновь скороговоркой стал произносить древние проклятия. Внезапно глаза резидента закатились и уже не вернулись в нормальное положение. Веки оставались открытыми, виднелись лишь красноватые после бессонницы белки. Пленник филиппинской тюрьмы дернулся, выпрямил спину и замер, как статуя.

– Ты меня слышишь? – спросил колдун.

Рождественский в знак согласия кивнул.

– Он меня слышит, – торжествующе произнес Сервантес.

– И что нам теперь с этим делать? – осторожно поинтересовался мистер Грин. – Он так и будет только кивать?

– Этого я не могу сказать. Я ввел его в транс. Это прелюдия к тому, чтобы сделать из живого человека зомби.

– Зомби не надо, – тут же предупредил американец. – А меня он услышит?

– Спрашивайте, – сказал в ответ колдун.

– Вы меня слышите? – спросил мистер Грин.

Рождественский сидел как вкопанный и молчал.

– Вы слышите меня? – повторил вопрос Генри.

– Надо назвать его по имени, – посоветовал колдун Вуду.

– Хороший совет, – скривил губы Генри. – Но мне как раз надо узнать его настоящее имя.

Сервантес пожал плечами. Мол, а чем я могу вам помочь? Меня просили ввести человека в транс, я его ввел. А все остальное – ваши заботы. И все же Генри был профессионалом своего дела, умел вести допросы, даже если допрашиваемый сопротивлялся ему изо всех сил.

– Вы ландшафтный дизайнер? У вас своя фирма на Филиппинах?

Рождественский, соглашаясь, кивнул, сделал это, как «китайский болванчик», как кукла.

– Негусто, – проговорил Генри. – Как звучит ваше настоящее имя?

Рождественский остался неподвижным.

– Вас зовут Бальтасар? – провокационно спросил мистер Грин.

Резидент отрицательно повел головой.

– Теперь я хоть уверен, что он понимает суть вопроса. Вас зовут Карл Свенссон?

Рождественский закивал.

– И что мне теперь с ним делать? Он способен давать ответы только на уровне «да» и «нет». Да и то врет, отвечая мне.

Еще несколько раз мистер Грин пытался зайти с разных сторон, но «тройной блок» в голове у резидента был выставлен надежно, он был непробиваемым. Рождественский в знак согласия кивками и отрицательным покачиванием головы, даже находясь в трансе, отметал всяческие попытки изобличить его в шпионской деятельности и охотно соглашался, если у него спрашивали о шведском подданстве. Вопросы же типа, мужчина он или женщина, попросту игнорировал. Генри терял терпение. Ему хотелось встать и ударить шпиона.

– Если ему сейчас врезать по морде, что произойдет? – спросил он у Сервантеса.

Тот подумал немного и ответил:

– Или ничего, или очнется.

– Значит, и это бесполезно, – вздохнул Генри, но тут вдруг встрепенулся: – Бальтасар, спроси его то же, что и я. Может, у него будет иная реакция на другой голос?

Бальтасар повторил вопрос:

– Вас зовут Бальтасар? – но на автомате сделал это по-испански.

Рождественский, как и ожидалось, отрицательно покачал головой. Генри напрягся.

– Сеньор Педро, вы знаете китайский язык? – в его глазах зажглись огоньки надежды.

– Знаю.

– Тогда спросите у него что-нибудь по-китайски. Скажем: вы мужчина?

Педро исполнил просьбу. Рождественский остался безучастным.

– Это и требовалось доказать, – радостно воскликнул мистер Грин.

– Что доказать? – не понял Алонсо.

– Он не знает китайского!

– Зачем шведу знать китайский? – спросил удивленный Бальтасар.

– Из любой информации можно сделать правильный вывод. Если он не знает китайского, то вряд ли работает на китайскую разведку, – с видом победителя произнес Генри.

– Логично, – согласился Бальтасар Алонсо.

– Так. В этой тюрьме есть кто-нибудь, кто умеет говорить по-русски, по-вьетнамски и по-арабски? – спросил мистер Грин.

– Вьетнамец есть точно, и не один. Арабы тоже имеются. А вот русский? В этом я не уверен, – ответил Бальтасар. – Надо узнать у начальника.

– Ну, так вот. Быстро узнай. Найдешь – веди всех троих сюда.

Алонсо стремительно исчез за дверью. Рождественский продолжал пребывать в трансе.

– Вы сами верите в свое колдовство? – спросил Генри у Педро.

– Конечно, верю, – ответил колдун, плохо скрывая презрительный взгляд. Он сперва даже не понял вопроса американца.

– Это хорошо. При надобности сможете превратить его в зомби? – кивнул Генри на неподвижно сидящего Рождественского.

– Это можно. Но зомби теряет свою прежнюю память, воспоминания. И это уже необратимо. Из зомби человека назад не сделаешь, – ответил колдун. – Он еще минут пятнадцать в трансе пробудет. Обряд можно повторить только завтра.

– Надеюсь, этого хватит. К вопросу о зомби мы еще вернемся.

Цветной порошок вновь полетел на пылающие свечи.

Бальтасар вернулся довольно скоро. В бетонную без окон комнату конвоиры ввели троих заключенных со скованными наручниками запястьями. Один из филиппинских зэков был низкорослым вьетнамцем с испуганным взглядом. Второй – худощавым арабом с глазами разочарованного в жизни наркомана. Третий – татуированным громилой. На его руках из-под закатанных рукавов апельсинового цвета комбинезона виднелись синие надписи, сделанные кириллицей, и рисунки. На запястье улыбался зубастой пастью дьявол, что по зэковским понятием означало «оскал» – злой на власть. Если бы Генри разбирался в советско-российских татуировках, то непременно обратил бы внимание и на татуировку в виде ромбовидного перстня на указательном пальце – «отрицала».

– Спроси у него по-вьетнамски: «Вы мужчина?», – обратился к низкорослому Генри.

Прозвучал вопрос. Рождественский на него не отреагировал.

– А теперь ты спроси то же самое, но уже по-арабски.

Худощавый спросил. И вновь никакой реакции.

– Значит, не китайская разведка, не брунейская, не гонконговская, не вьетнамская, – пробормотал мистер Грин, после чего уже произнес отчетливо: – Спроси у него теперь ты, – и посмотрел на бывшего русского зэка, волей судьбы оказавшегося в филиппинской тюрьме.

– Зачем спрашивать? Это же и так ясно, – удивился бывалый зэк.

– Меня не интересует твое мнение, – надменно произнес Генри. – Спрашивай.

– А зачем?

Но вместо ответа на спину зэка опустилась резиновая дубинка. Пришлось подчиниться.

– Вы мужчина? – спросил зэк по-русски.

Рождественский сдержанно кивнул.

– Увидите их, – тут же выкрикнул Генри, махнув рукой конвоирам.

Заключенных вывели. Колдун посмотрел на мистера Грина.

– Скоро выйдет из транса, – напомнил он.

– Сам или ему надо помочь?

– Сам выйдет.

– Тогда иди и ты.

Сервантес попытался было собрать свой колдовской инвентарь, но Грин поторопил его:

– Успеешь, потом.

Рождественский уже не сидел как изваяние, он слегка начинал раскачиваться. Глаза по-прежнему оставались заведенными под лоб.

– Выходит, он русский. Большого мы из него не вытащим при помощи колдуна. Во всяком случае, сегодня, – задумчиво проговорил мистер Грин.

– Это уже немало, – восхитился Бальтасар, он понял, что сама судьба свела его с американцем.

Теперь можно было помечтать и о скором повышении. Вот только предстояло каким-то образом дожать резидента российской разведки.

– Русские, – вновь задумчиво произнес Генри, пытаясь представить себя на месте противника. – Они не поленились забросить на Филиппины группу диверсантов для того, чтобы вытащить своего человека. У них для этого есть все возможности. Как думаешь, Бальтасар?

– Думаю, что так, – согласился филиппинец.

– В таком случае мы должны их встретить, – прищурился американец.

Генри прикинул, что для полного счастья ему не хватает самой малости. Он не только разоблачит резидента российской разведки, но и захватит командос, отправленных для его освобождения. Ради этого стоило постараться. Мистер Грин уже открыл было рот, чтобы поделиться соображениями с представителем местных спецслужб, как тут же замолчал. Рождественский пришел в себя. Он удивленно озирался по сторонам, пытаясь припомнить, что с ним произошло. Несмотря на состояние транса, в котором он до этого пребывал, кое-что удалось припомнить. Ему задавали какие-то вопросы, и он отвечал на них, либо в знак согласия кивая, либо, не соглашаясь, отрицательно качал головой. Вроде бы нигде не «спалился». Тройная блокировка работала надежно. Только «да» и «нет», и все согласно легендированию. Но тройная блокировка не учитывала языка, на котором задавали вопросы.

– Вы нормально себя чувствуете? – ехидно поинтересовался Генри.

– Сносно, – ответил Рождественский. – Голова кружится.

– Помните, что с вами было?

– Абсолютно не помню, – соврал Рождественский.

– Я спрашивал, а вы отвечали и рассказали много интересного. Но что именно, я вам пока не скажу. Пусть любопытство распирает вас изнутри. Конвойные! Уведите его.

Оставшись наедине с Алонсо, Генри встал, прошелся по комнате без окон.

– Теперь нам придется плотно поработать. Свяжитесь со своими специалистами. Нам предстоит просмотреть видео с камер наблюдения в международном аэропорте Манилы в режиме онлайн.

– Кого следует искать? – спросил Бальтазар.

– Российских командос. Они рассчитывали появиться незаметно для нас, но теперь мы примерно знаем, кого следует ждать. Особое внимание на европейцев возрастом от тридцати до сорока пяти, крепкого телосложения, с короткими стрижками. В первую очередь обращать внимание на шрамы, на следы пулевых ранений.

– Мы будем задерживать подозрительных? – уточнил филиппинец.

– Ни в коем случае. Проводить осмотр под благовидным предлогом, не вызывая подозрений, а потом с извинениями отпускать, но недалеко. Мой план, Бальтасар, таков... – И Генри, словно боясь, что их подслушивают в этой комнате без окон, склонился к уху своего филиппинского коллеги и зашептал...

6

В международном аэропорту Манилы «Ниной Акино Интернешнл» объявили посадку рейса авиакомпании KLM из Амстердама. И вскоре в зоне досмотра появилась разношерстная толпа пассажиров, в которой мелькали европейские лица. Среди прибывших слышалась испанская речь. В Амстердаме делали пересадку пассажиры, следовавшие из Мадрида на Филиппины, клерки совместных фирм, святые отцы в сутанах – служители католических костелов – и просто любопытствующие туристы.

Филиппинские острова с самого их открытия Фернаном Магелланом на протяжении нескольких столетий были колонией Испании. Из Манилы ходили в Мексику огромные, с пятиэтажный дом, многопалубные галеоны, груженные пряностями. На американском континенте грузы перетаскивали к атлантическому берегу, а оттуда европейские галеоны доставляли их в Испанию. На это уходило много месяцев. А теперь авиалайнер меньше чем за сутки покрывал это же расстояние, и потомки конкистадоров вновь могли свободно ступать по филиппинским пляжам.

Об этом думал прапорщик Ростислав Сазонов, когда положил на окно контроля свой потрепанный испанский паспорт, выглядевший точь-в-точь как настоящий. В молодости Ростислав проходил медицинскую практику в Севилье. Туда его отправили по студенческому обмену. Конек Сазонова – испанский язык, которым он увлекался со школьной скамьи, – поспособствовал тому, чтобы он попал в столицу солнечной Андалусии. Правда, горячее солнце Испании его настолько расслабило, что Ростислав по окончании практики и возвращении в Россию, как он говорил, от серой тоски забросил учебу, вследствие чего загремел в армию, ну а там уж остался прапорщиком. И лучшей легенды ему, российскому вэдэвэшнику, чем преобразиться в испанского сеньора, невозможно было и придумать.

– Сеньор Хесус Рамон Франсиско-Мануэль Бенавидес? – на чистом испанском спросил желтолицый пограничник, внимательно рассматривая фотографию в паспорте.

– Да, он самый, прямо перед вами, собственной персоной, – расплылся в широкой улыбке «подданный испанского короля».

Пограничник отметил, что при этой добродушной гримасе на щеке сеньора Франсиско-Мануэля Бенавидеса растягивался темный шрам: из буквы «С» шрам как бы превращался в заглавную латинскую букву «L». Такой след могла оставить пуля со смещенным центром тяжести.

Пограничник замешкался с выдачей паспорта.

– Что-то не так? – обеспокоенно спросил «испанский подданный».

– Отдыхать к нам? – спросил пограничник, при этом он словно искал некий предмет в своем столе.

– И отдыхать, и работать, – признался Франсиско-Мануэль.

– Работать? – поднял брови желтолицый пограничник. – У вас есть разрешение? Контракт?

– Да так, буду работать сам на себя... – поспешил объяснить «испанец». – Собираю образцы лекарственных растений, поговорить с местными целителями. Я занимаюсь медициной.

Среди местного населения врачи считались одновременно и учеными, и колдунами, поэтому к ним выражали почтение и благоговейный трепет. Этот филиппинский пограничник не был исключением. Выражение его лица изменилось, он доверительно произнес:

– Слышали о наших хилерах – хирургах, что умеют делать операции без ножа? Они голыми руками раздвигают ткани человеческого тела и удаляют больной орган или опухоль. Нигде в мире такого нет! – гордо сказал служащий.

– О, как вы угадали, – снова улыбнулся Франсиско-Мануэль. – Конечно, я хотел бы понаблюдать за их операциями.

– Это дорого, – вздохнул пограничник.

– Но операции стоят намного дороже, – кивнул «испанец». – Особенно в Европе и Америке. Не подскажите, как ваших хилеров найти?

– Дело в том, что вырезать органы голыми руками они могут только там, где и живут, в окрестностях города Багио. На севере от Манилы.

– Великолепно, – быстро заговорил Франсиско-Мануэль, услышав за собой недовольный ропот стоящих за ним пассажиров: разговор задерживал очередь. – Можно мне зафрахтовать вертолет?

– Что вы, ни в коем случае! – также затараторил пограничник. – Вертолетам летать возле Багио нельзя. Двигатель может заглохнуть, вертолет рухнет на землю. Там природная аномалия, поэтому хилеры не могут делать свои операции в другом месте. Да и автомобили там часто ломаются. Лучше сеньору отправиться туда на катере, а к берегу подплыть на веслах. Потом уж пешком или на ослах. Вам местные все расскажут и покажут.

– Обязательно воспользуюсь вашим советом, – поблагодарил прапорщик Сазонов.

Пограничник протянул Франсиску-Мануэлю его испанский паспорт, при этом еще раз взглянул на шрам на правой щеке сеньора.

– Удачи!

– Грацияс. Найму быстроходный катер.

Прапорщик Сазонов неспешно отправился в зал, а оттуда к стоянке такси.

Приятный женский голос по-английски с южно-азиатским акцентом объявил, что из Сингапура прибывает авиалайнер компании «Филлипин Эйр Лайнс».

Франсиско-Мануэль вышел из аэропорта, широким жестом, как это сделал бы истый андалусец, нахлобучил на голову широкополую шляпу и крикнул:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.